

МАСТЕРСКАЯ ВОЗВРАЩЁННЫХ ВЕЩЕЙ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Мастерская возвращённых вещей

«Автор»

2026

Северский А.

Мастерская возвращённых вещей / А. Северский — «Автор», 2026

После смерти матери реставратор Лида Воронцова хочет закрыть старую мастерскую и уехать из Ладожина. Но протечка перемешивает бирки, и четверо клиентов получают чужие вещи: карманные часы, голубую чашку, детские красные сапожки и пустой футляр от скрипки. Чтобы вернуть предметы владельцам, Лиде приходится распутать не только ошибки учёта. Вера годами хранила второй архив — записи о чужих обещаниях, встречах и тайнах, — считая, что вправе немного направлять судьбы людей. Теперь каждая найденная история ставит перед Лидой один и тот же вопрос: где заканчивается забота и начинается присвоение чужого выбора? Пока аварийный квартал готовят к расселению, а мастерская может исчезнуть вместе со старым домом, её посетители учатся чинить не прошлое, а то, что ещё можно передать дальше. Тёплый современный роман о вещах с видимыми трещинами, добровольных связях и помощи, которая не требует обещаний навсегда.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последний рабочий день	6
Глава 2. Часы для курьера	14
Глава 3. Красный сапожок	24
Глава 4. Пустой футляр	33
Глава 5. Срок выселения	46
Глава 6. Карточки обещаний	54
Глава 7. Первая общая встреча	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Северский

Мастерская возвращённых вещей

От автора

Иногда вещь возвращается к нам совсем не тогда, когда мы готовы её принять. Иногда возвращается не наша вещь — и требует заметить человека, чью историю мы держим в руках.

Этот роман не о волшебных предметах, которые чинят жизнь вместо людей. Его герои ошибаются, опаздывают, присваивают заботе слишком широкие права и учатся возвращать друг другу не прошлое, а возможность выбора. Трещины здесь не всегда исчезают после ремонта. Некоторые остаются видимыми, чтобы вещь можно было пользоваться дальше, не выдавая её за новую.

«Мастерскую возвращённых вещей» можно читать как историю одного квартала и нескольких пересёкшихся судеб. Все важные перемены в ней совершают люди — небольшими действиями, которые не отменяют утрат, но делают одиночество менее обязательным.

В мастерской приходится различать похожие на первый взгляд поступки: сохранить и удержать, помочь и решить за другого, позвать к разговору и устроить встречу без согласия. У каждого из них может быть доброе объяснение. Но последствия определяются не объяснением, а тем, осталось ли у другого человека право сказать «нет», забрать своё или вовсе не открывать оставленное ему послание.

Поэтому здесь много простых процедур: опись, квитанция, срок, подпись, проверка соединения. Они не противопоставлены теплу. Напротив, иногда забота и есть точно назвать предел своей ответственности, не превратить помощь в пожизненную обязанность и оставить место следующему человеку. Ремонт не обещает вечности — он возвращает вещи возможность служить, а людям возможность снова выбирать.

Пусть эта история будет прочитана без спешки: с вниманием к тому, что герои произносят, и к тому, что они наконец перестают решать друг за друга.

Глава 1. Последний рабочий день

К девяти утра Лида сняла с двери табличку «Открыто», хотя открывать мастерскую больше не собиралась.

Табличка была сделана из грушевой дощечки, потемневшей по краям от пальцев. Когда-то отец вырезал буквы слишком глубоко, и Вера заполнила бороздки синей краской. Теперь краска держалась лучше самой семьи: отец умер двенадцать лет назад, мать — сорок три дня назад, а упрямое «Открыто» всё ещё можно было прочесть с другой стороны улицы.

Лида завернула дощечку в газету и положила в ящик с надписью «Оставить». Рядом стояли «Продать», «Отдать» и самый большой — «Не знаю». Последний за два дня уже был полон до краёв.

На двери остался бледный прямоугольник и лист, распечатанный крупными буквами:
МАСТЕРСКАЯ ЗАКРЫВАЕТСЯ. ВЫДАЧА ГОТОВЫХ ЗАКАЗОВ — ДО 18:00.

Ниже Лида от руки добавила номер телефона и дважды подчеркнула дату. Сегодняшнюю. Чтобы никто не решил, будто у неё есть ещё один понедельник, один четверг или целая человеческая жизнь на поиски потерянной пуговицы.

Она отступила к середине тротуара. Августовский дождь был такой мелкий, что не падал, а висел между домами. За мастерской поднималась кирпичная стена бывшего речного склада; швы между кирпичами почернели, водосточная труба дрожала от каждого порыва. До вокзала было три минуты пешком. Иногда сквозь дождь доносился низкий гудок теплохода, и тогда стекло в витрине отзывалось едва заметным звоном.

На втором этаже над мастерской распахнулось окно.

— Лидочка! — позвала соседка. — Ты вывеску снимаешь насовсем?

Лида подняла лицо, но увидела только цветочный халат и локти на подоконнике.

— Насовсем, Марина Львовна.

— А ключи делать кто будет?

— Мы никогда не делали ключи.

— Всё равно жалко.

Окно захлопнулось раньше, чем Лида успела ответить. В квартале жалость была разнообразностью любопытства: ею делились охотно, но всегда издалека.

Она вернулась внутрь и заперла дверь. Для клиентов оставался звонок — латунная кнопка в форме желудя. Мать купила её на блошином рынке и утверждала, что звонок у каждой двери должен быть свой, иначе человек может войти не в ту жизнь. Лида тогда сказала, что двери различаются адресами. Вера рассмеялась и больше не спорила.

За стеклом копился серый свет. Внутри пахло древесной пылью, льняным маслом и сыростью, которая этим утром впервые стала сильнее всех привычных запахов.

Лида встала за верстак. На гладкой поверхности лежал список из девятнадцати пунктов. Семь уже были зачёркнуты: отключить рекламу, расторгнуть договор на вывоз стружки, вернуть соседу стремянку, забрать инструменты отца, сфотографировать станки для продажи, вынести растворители, написать клиентам. Внизу красной ручкой было обведено: 18:20 — поезд.

До вокзала — три минуты. До съёмной квартиры в Нижнем — четыре часа семнадцать минут. Во вторник ей предстояло выйти в реставрационную бригаду при старом театре: настоящий договор, белые стены цеха, объекты в ведомости, ни одного посетителя, который приносит стул и вместе со стулом двадцать минут рассказывает о бывшем муже.

Телефон завибрировал.

«Лидия, подтверждаете выход второго сентября?»

Она напечатала: «Да, конечно» — и не отправила. Не из сомнения. Просто палец был в пыли, экран не сработал с первого раза. Пока Лида вытирала руку о фартук, над потолком что-то глухо бухнуло.

Она замерла.

В старом доме постоянно что-нибудь бухало. Двери, трубы, чужие шкафы, кошки на железной крыше пристройки. Но теперь звук повторился, ближе, будто на чердаке уронили полное ведро. В углу над картотекой проступило пятно.

— Только не сегодня, — сказала Лида.

Пятно быстро налилось коричневым. Из его середины вытянулась капля, повисела и упала на верхний ящик.

Лида подставила мусорную корзину. Вторая капля ударила уже рядом, на стопку заказов, приготовленных к выдаче.

Четыре вещи стояли на узком столе под стеной. Голубая чашка, стянутая бумажной лентой; футляр от скрипки с новым кожаным уголком; деревянная коробка, куда мать убрала карманные часы; и детский красный сапожок, завернутый в тонкую упаковочную бумагу. К каждой вещи была привязана картонная бирка. Лида вечером специально разложила их по времени прихода клиентов, чтобы управиться за час и успеть на поезд.

Вода ударила по столу сразу широкой ладонью.

Лида успела схватить чашку и коробку с часами. Футляр соскользнул на пол. Бумага вокруг сапожка развернулась. Сверху посыпались канцелярские скрепки, карандаши и четыре мокрые бирки.

В корзине зашумел дождь.

— Прекрасно.

Она перенесла вещи на верстак, поставила под течь эмалированный таз и метнулась в кладовую. Вера держала там всё, что могло понадобиться человеку после закрытия магазинов: от свечей до пробкового листа. Брезент нашёлся между рулоном мешковины и старым ватным одеялом. Лида взобралась на стремянку, прижала брезент к потолочной балке и отвела край к тазу. Вода потекла по складке, но часть продолжала падать на картотеку.

Верхний ящик разбух и не открывался.

Лида потянула сильнее. Дерево скрипнуло, ящик вылетел, и сотни карточек рассыпались у её ног. Она увидела знакомый почерк — наклонные Верины буквы, синие номера, красные даты — и на мгновение ощутила не горе, а злость, чистую и удобную.

Мать могла купить пластиковые папки. Могла перенести учёт в компьютер. Могла хотя бы не ставить картотеку под местом, где крыша текла каждую весну. Но Вера любила говорить, что бумага помнит руку. Теперь бумага помнила воду.

Звонок на двери звякнул.

— Закрыто! — крикнула Лида, не слезая со стремянки.

Звонок повторился: коротко, потом дважды настойчиво.

Лида спустилась. За стеклом стоял мужчина в жёлтой куртке курьера, мокрый шлем он держал под мышкой. Другой рукой показывал на лист с часами выдачи.

Она отперла дверь на цепочку.

— Вы за заказом?

— Макс. За футляром. Мне сообщение пришло.

— Выдача с четырёх.

— В четыре у меня смена. Тут написано до шести, а не с четырёх.

Лида посмотрела на собственное объявление. Он был прав: слово «с» она не написала.

— Пять минут.

— У меня доставка через двенадцать.

— Тогда вечером.

— Вечером здесь будет закрыто насовсем, — прочитал он, прищурившись. — Мне что, футляр потом на стройке искать?

Вода звонко ударила в таз. На полу намокали карточки. Лида представила, как объясняет в новой мастерской, почему опоздала на поезд из-за человека, которому срочно понадобился пустой футляр.

— Подождите на улице, — сказала она. — Сейчас вынесу.

Она захлопнула дверь, сняла цепочку и вернулась к верстаку. Бирки лежали на промокальной бумаге. Чернила на двух расплылись. На одной читалось «Макс...», на другой — только окончание «...рова». Третья сохранила время «16:00», четвёртая — номер телефона и синюю черту.

Мать дублировала номера на внутренних карточках. Лида выдвинула нижний ящик картотеки — тот, который не намок, — и пролистала раздел «Ф». Футляр значился под номером 1847. На вещи номер должен был быть написан с обратной стороны бирки.

Лида перевернула мокрые картонки. У одной оборотный слой бумаги отошёл, другая прилипла к столу. Она осторожно поддела её шпателем. Синяя цифра распалась на две кляксы: то ли 1847, то ли 1817.

За дверью курьер постучал костяшкой пальца по стеклу.

— Минуту!

На верстаке лежали чёрный футляр и деревянная коробка, оба под новой обёрткой. На коробке держалась бирка, где различалось «Макс»; Лида решила, что мать упаковала небольшой футляр внутрь, защищая его от дождя. Она перевязала коробку сухим шпагатом и вынесла клиенту.

— Проверьте дома, — сказала она. — Внешняя упаковка намокла, коробка сухая.

— Я знаю свой футляр.

Курьер перехватил свёрток, будто эстафетную палочку, и уже через секунду исчез за дождевой пеленой. Лида закрыла дверь. Первый заказ выдан. Значит, оставалось три.

Она зачеркнула в списке «футляр» и отправила подтверждение работодателю: «Да, конечно. Буду второго сентября к девяти».

Ответ пришёл сразу: «Ждём».

Одно короткое слово действовало лучше успокоительного. Там её ждали без прошлого, без протёкшего потолка, без материнского почерка. Там любая ошибка имела инвентарный номер и способ исправления.

Лида собрала карточки с пола и разложила на двух полотенцах. Самые мокрые листы прилипали друг к другу. Она не стала их разнимать: бумагу следовало сушить медленно, иначе волокна порвутся. Накрыла сверху сеткой, прижала по углам деревянными брусками. Так мать учила спасать документы, когда у соседей лопнула батарея. Лида помнила каждое движение и злилась уже на собственные руки за эту память.

К половине первого дождь усилился. Вода в тазу поднялась на три пальца. С потолка сыпалась размокшая известь. Лида позвонила в управляющую компанию, продиктовала адрес и услышала, что заявку зарегистрировали.

— Когда придёт мастер?

— В течение трёх рабочих дней.

— Через три дня помещение будет пустым.

— Тогда обеспечьте доступ ответственному лицу.

— Ответственное лицо уезжает сегодня.

Женщина на линии помолчала.

— Заявку всё равно передадим.

Лида записала номер обращения на обратной стороне списка. Ей хотелось добавить его в ящик «Не знаю», но она ограничилась ещё одной чертой под временем поезда.

После обеда в мастерской стало холодно. Лида сняла фартук и надела поверх футболки материну рабочую кофту — серую, с деревянными пуговицами. В кармане обнаружился кусок мела и смятая конфета «Барбарис». Конфету она выбросила. Мел оставила.

К трём часам вещи просохли настолько, что можно было восстановить порядок. Чашка принадлежала Зое Петровне: это Лида помнила, потому что сама склеивала трещину. Не реставрировала по музейным правилам — просто укрепила безопасным составом и оставила шов видимым, как просила хозяйка. Чашка была необычной: тяжёлая, голубая снаружи и молочная внутри, а ручка — плоская, с маленькой выемкой под большой палец.

Карманные часы Вера принимала сама. На карточке заказа стояло «чистка корпуса, не заводить», но имя владельца вода размывала. Лида раскрыла деревянную коробку, убедилась, что часы внутри, и снова перевязала её — не заметив, что бирка осталась на первой мокрой обёртке. Красный сапожок Лида видела впервые. На подошве оставался мелкий речной песок, хотя вещь явно давно не носили.

Оставалась учительница Соня. В календаре рядом с её именем мать написала: «часы, ремешок, стекло». Значит, среди трёх вещей часы предназначались ей.

Лида нашла небольшой свёрток с плоским кожаным ремешком и привязала бирку с окончанием «...рова». Соню звали Софья Андреевна Лаврова — подходило. Голубую чашку она упаковала для Зои Петровны, к сапожку прикрепила бирку с синей чертой. Всё снова стало понятным.

Ровно в четыре позвонили.

На пороге стояла женщина примерно Лидиною возраста, в прозрачном дождевике поверх светлого платья. В одной руке она держала сложенный зонт, в другой — матерчатую сумку, набитую тетрадами. Волосы потемнели от дождя и прилипли к вискам.

— Софья Андреевна?

— Для учеников — да. Для остальных Соня. Я за часами.

Она сказала это без улыбки, но и без холодности, словно заранее сообщала правило, которое облегчало жизнь обеим.

— Проходите. На улице упаковка сразу промокнет.

Соня переступила порог, закрыла зонт и огляделась. Взгляд задержался на снятой табличке, торчавшей из ящика.

— Значит, правда последний день.

— Правда.

— Вера Алексеевна говорила, вы продолжите.

Лида достала коробку.

— Мама много чего говорила за других людей.

Соня провела пальцем по мокрому ремню сумки.

— Простите. Я не знала, что это больное место.

— Оно не больное. Оно закрывается в шесть.

Лида услышала собственную резкость и повернулась к верстаку, будто искала ножницы. В мастерской часто происходило одно и то же: люди произносили имя матери мягче, чем говорили с живой дочерью, и этим словно просили Лиду подтвердить, что Вера была для них особенной. Она не собиралась спорить. Но и обслуживать чужую скорбь вместе с заказом больше не хотела.

— Я должна проверить? — спросила Соня.

— Лучше проверить. Из-за протечки пострадали бирки. Сами вещи сухие.

Она положила свёрток на свободный край верстака. Соня развязала шпагат, не разрезая, аккуратно свернула бумагу.

Внутри лежала голубая чашка.

Несколько секунд обе молчали.

— Это не мои часы, — сказала Соня.

— Нет.

Лида отодвинула коробку и посмотрела на оставшиеся свёртки. Чашка для Зои стояла на месте — по крайней мере, свёрток имел её форму. Она развязала его. Под бумагой оказалась деревянная коробка с часами.

— Я перепутала упаковки. Сейчас исправлю.

Она протянула руку к чашке, но Соня не отдала её. Не прижала к себе, не спрятала — просто удержала двумя ладонями, рассматривая ручку.

— Где вы её взяли?

— Это заказ другого человека.

— Я понимаю. Чей?

— Не могу сообщать данные клиента.

— Я не прошу адрес. Хотя бы имя.

— И имя не могу.

Соня повернула чашку. По голубой глазури бежала тонкая тёмная линия, раздваивалась возле основания и исчезала под доньшком. Ремонт не скрывал повреждение, но чашка казалась собранной крепко, без жалости к себе.

— Здесь раньше был жёлтый цветок, — сказала Соня.

Лида посмотрела внимательнее. Возле ручки действительно виднелось пятнышко более светлой глазури, но цветка не было.

— Возможно, стёрся.

— Не на чашке. На ногте. Я нарисовала его лаком и прижала палец, пока не высох. Мне было восемь. Мама ругалась, что я испортила чужую вещь.

Она вложила большой палец в плоскую выемку. Палец лёг точно.

— Такие чашки выпускали тысячами, — сказала Лида. — Ручки у них одинаковые.

— У этой сколот край снизу.

Соня перевернула чашку. На кольце основания белел крошечный скол в форме запятой.

— Он уже был. Я всё время цепляла им клеёнку.

Лида почувствовала знакомое сопротивление — как когда две части рамы сходятся на вид, но при нажиме обнаруживается перекося. Если надавить сильнее, можно сломать обе.

— Допустим, вы её узнаете. Она всё равно принадлежит другому клиенту.

— Моей маме?

— Я не знаю.

— Вы только что сказали, что знаете владельца.

— Знаю, кому должна выдать. Это не одно и то же, что знать всю историю вещи.

Соня поставила чашку на верстак. Очень осторожно, будто та была горячей.

— Мама работала в столовой речного училища. У них были белые чашки, а эту ей подарили на день рождения. Потом мама заболела, и к нам стала приходить женщина с короткими рыжими волосами. Помогала, когда я была в школе. После похорон чашка исчезла. Я думала, её разбили.

— Сколько лет назад?

— Двадцать один.

Снаружи автобус с шипением остановился у перекрёстка. За витриной прошли три зонты, красный, чёрный и клетчатый. На секунду Лиде показалось, что мастерская стоит отдельно от города, как коробка с забытой вещью, а люди за стеклом видят только тёплую лампу и не знают, что здесь пахнет мокрой штукатуркой.

— За двадцать один год чашка могла сменить владельца, — сказала она.

— Могла.

— Её могли подарить.

— Могли.

— Тогда узнавание ничего не доказывает.

— Я и не говорю, что доказывает.

Соня сняла дождевик. Под ним оказалось простое платье с белым меловым следом на боку. Она заметила, как Лида смотрит, и потёрла ткань.

— В классе доску меняют на электронную, — объяснила она. — А мел всё равно находит меня.

Лида машинально коснулась кармана серой кофты, где лежал Верин кусок мела.

— Ваши часы должны быть здесь. Я найду их сейчас. Чашку оставьте.

— Мне нужно узнать, откуда она пришла.

— Я позвоню владелице.

— При мне?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мастерская — не справочное бюро чужих семей.

Соня подняла взгляд. В нём не было ни обиды, ни неловкости, которые Лида ожидала вызвать. Только усталое внимание.

— А чем она была для вашей матери?

— Мастерской.

— Я спросила не чем была мастерская. Почему Вера Алексеевна приняла эту чашку?

— Чтобы склеить.

— И записала только ремонт?

— Именно так работают заказы.

Это прозвучало убедительно, пока Лида не посмотрела на мокрую картотеку. На верхнем полотенце сохли карточки, и под одной виднелся край другой — более узкой, желтоватой, с красной чертой. Она не помнила таких бланков. Возможно, мать подкладывала черновики. Возможно, это были старые квитанции.

Соня тоже заметила карточки.

— Там моё имя?

— Там последствия протечки.

— Лида, мне не нужна красивая история. Я хочу понять, как чашка из нашего дома оказалась здесь.

— А если никак? Если вы ошиблись?

— Тогда я верну её через час и буду знать, что ошиблась.

— Вернёте сейчас.

Соня положила ладонь поверх чашки. Не как владелица — скорее как человек, удерживающий лист бумаги от ветра.

— Нет.

Лида сначала решила, что ослышалась.

— Это чужая вещь.

— Вы сами мне её выдали.

— По ошибке. Я сразу исправляю ошибку.

— А я прошу один час.

— Вы не можете забрать чужую чашку, потому что вспомнили детство.

— Не могу. Поэтому не ухожу с ней молча.

Соня вынула телефон и положила рядом.

— Запишите мои паспортные данные, адрес, место работы. Позвоните хозяйке. Скажите, что человек узнал вещь и просит разрешения подержать её до вечера. Если она скажет вернуть немедленно, я верну. Если не дозвонитесь — чашка останется здесь, но я тоже останусь.

— Здесь протекает потолок.

— В школе протекает спортзал. Навык ожидания у меня есть.

Это была первая попытка пошутить, но улыбки опять не последовало. Лида посмотрела на часы. Четыре семнадцать. До поезда оставалось два часа три минуты. До закрытия — час сорок три. До прихода Зои Петровны, если та соблюдала назначенное время, — двадцать восемь минут.

Можно было просто забрать чашку. Соня не держала её крепко. Можно было сказать, что сведения уничтожены водой, вручить часы и выставить клиентку за дверь. Формально Лида была права во всём.

Она знала, как мать поступила бы на её месте: усадила бы Соню, заварила чай в другой чашке, нашла бы в картотеке не только хозяйку, но и девичью фамилию её сестры, позвонила бы трём людям и к сумеркам собрала встречу, о которой никто не просил. Вера называла это «дать вещи договорить». Лида называла вмешательством.

Но между вмешательством и захлопнутой дверью, должно быть, существовало какое-то третье действие. Обычно третье действие находила мать. Сегодня искать приходилось Лиде.

— Чашка не покидает мастерскую, — сказала она. — Пока владелица не разрешит. Вы можете ждать до её прихода. Без паспортных данных.

— Во сколько она придёт?

Лида посмотрела на карточку. Время «16:45» сохранилось отчётливо.

— Через полчаса.

— Хорошо.

— Если она потребует чашку, вы отдаёте сразу. Без вопросов и без рассказа о жёлтом цветке, если она не захочет слушать.

— Хорошо.

— И ваши часы вы всё-таки забираете.

Лида проверила оставшиеся вещи. Под бумагой обнаружился красный сапожок; в длинной упаковке лежал старый футляр от скрипки. Деревянной коробки с карманными часами на верстаке не было.

Теперь тишина стала другой.

На верстаке стояли чашка, один детский сапог и чужой футляр. Коробка уже уехала с курьером в жёлтой куртке.

— Ваших часов здесь нет, — сказала Лида.

Соня медленно выпрямилась.

Лида посмотрела в календарь. Напротив «С. А. Лаврова» стояло: «часы, ремешок, стекло». Запись была верной. Значит, неверной оказалась бирка на коробке, которую она только что отдала Максусу.

Деревянная коробка. Курьер, исчезнувший под дождём.

Лида схватила телефон и открыла журнал исходящих сообщений клиентам. Система показывала четыре номера без имён: мать отправляла уведомления вручную и редко сохраняла контакты. Первый сегодняшний звонок поступил с номера, заканчивавшегося на сорок восемь. Лида набрала его.

Гудок. Второй.

— Абонент временно недоступен.

Она набрала снова.

— Что случилось? — спросила Соня.

— Я отдала другому человеку коробку с часами. Но пока не знаю, ваши ли они.

— Вместо чего?

— Вместо его заказа. Скоро выясним.

Вода продолжала мерно падать в таз. Каждая капля отнимала у неё крошечную, но вполне различимую часть последнего рабочего дня.

Она позвонила в диспетчерскую курьерской службы. Робот попросил назвать номер заказа. Лида трижды нажала ноль, пока не услышала живой голос. Оператор объяснила, что искать сотрудника по имени Макс и цвету куртки нельзя, персональные данные не сообщают, а все курьеры сейчас на линии.

- Он был у меня пятнадцать минут назад.
- Оставьте обращение через форму.
- Он забрал чужую вещь.
- Если речь о краже, обратитесь в полицию.
- Это не кража. Я сама ему отдала.

Оператор с заметным облегчением вернулась к форме обращения.

Лида завершила звонок. В списке из девятнадцати пунктов строчка «выдать заказы» внешне перестала быть одним делом и превратилась в четыре отдельных, ни одно из которых нельзя было зачеркнуть.

- Вы можете ехать, — сказала Соня. — Оставьте номер этого Макса, я сама договорюсь.
- Я не оставлю вам номер человека без его согласия.
- Тогда позвоните позже.
- Позвоню.
- С поезда?

Лида взглянула на обведённое время. Она заранее вызвала грузовое такси к пяти, чемодан стоял в подсобке, билет был невозвратным. В Нижнем её ждали. Здесь никто не ждал — здесь требовали, вспоминали, звонили в латунный жёлудь и ошибались дверью.

На потолке мокрое пятно разрослось почти до балки. Лида пододвинула второй таз. Потом достала из ящика «Оставить» табличку и положила её на верстак синей стороной вниз.

- С поезда я не смогу открыть мастерскую, когда вернут футляр.
- Значит, вы останетесь?
- Значит, я перенесу билет.

Она сказала это так, словно речь шла о чашке на другой край стола. Телефон уже показывал варианты на завтра. Утренний был дороже, дневной оставлял слишком мало времени до первого рабочего дня, но пока это были обычные расходы — неприятные, исчислимые.

Лида выбрала утренний.

- Только до завтра, — сказала она.

Соня кивнула и не стала благодарить. За это Лида была ей признательна.

В четыре сорок две дождь неожиданно стих. По водосточной трубе пробежал последний поток, и в мастерской стало слышно, как на полке тикают чужие карманные часы.

До этого Лида была уверена, что они не заведены.

Глава 2. Часы для курьера

Макс обнаружил подмену на скамейке у речного вокзала.

До начала вечерней смены оставалось двадцать три минуты. Этого хватало, чтобы съесть купленный в киоске пирожок, переложить в новый футляр очки и доехать до ресторана на Комсомольской. Старый футляр треснул ещё весной и теперь открывался от любого толчка. Дважды очки выпадали в курьерскую сумку между коробками с лапшой, а вчера на линзе остался жирный полукруг от соусника. Макс решил, что третьего предупреждения ждать не стоит, и отнёс футляр в мастерскую — заменить сломанную петлю, хотя проще было купить пластиковый.

Так решила бы Алина. Она вообще легко отличала вещи, которые стоит чинить, от вещей, которые проще выбросить. Макс считал это полезным талантом, пока под категорию ненужного не попал он сам.

Дождь барабанил по жестяному козырьку. На Волге не было видно противоположного берега; серое пространство за причалом казалось не водой, а продолжением неба. Макс стряхнул капли с рукава, положил свёрток на колени и потянул за шпагат. Узел затянули так, будто внутри было что-то тяжёлое и хрупкое. Футляр столько уважения к себе не требовал.

Под крафтовой бумагой оказалась плоская деревянная коробка.

Макс подумал, что мастерица решила положить футляр в упаковку получше. Потом поднял крышку.

На выцветшем синем бархате лежали карманные часы. Серебристый корпус потемнел по краям, короткая цепочка была свёрнута кольцом. На месте заводной головки виднелся новый металл — ярче старого, почти белый. Часы шли. Секундная стрелка двигалась мелкими уверенными толчками, и звук терялся в дожде, если не поднести коробку к уху.

Макс выругался, убрал пирожок обратно в пакет и посмотрел на бумажную бирку. Размытые чернила ещё позволяли разобрать его имя и последние цифры телефона. Значит, в мастерской перепутали не клиентов, а содержимое.

Он уже собирался захлопнуть крышку, когда заметил царапины на внутренней стороне. Не случайные: две строки, выведенные неровным резцом.

«В. М.»

Ниже стояла дата: «14.09.05».

Макс провёл большим пальцем по цифрам. Потом вытер палец о джинсы и провёл снова, словно грязь могла переставить их в другой порядок.

Четырнадцатого сентября две тысячи пятого года отец не вернулся домой.

В семье эту дату никогда не называли исчезновением. Бабушка говорила: «день, когда Вадим уехал». Мать — «тот сентябрь». В милицмейской бумаге, которую Макс нашёл в шестнадцать лет, стояло сухое: «местонахождение гражданина Мельникова Вадима Олеговича не установлено». Но Макс помнил число без бумаги. Ему было семь, в школе проходила первая учебная тревога, и всех вывели во двор без курток. Он ждал отца у продлёнки, пока уборщица не отвела его в учительскую. За окном уже стемнело, а на столе перед ним лежали чужие ключи, красная ручка и календарь с большим числом четырнадцать.

Инициалы могли принадлежать кому угодно. Дата могла быть свадьбой, покупкой, днём рождения. В городе жили тысячи людей, и кто-то из них наверняка был В. М.

Макс достал телефон и снова набрал номер мастерской.

— Абонент временно недоступен.

Он посмотрел на часы. Семнадцать ноль две. Приложение уже прислало напоминание: высокий спрос начнётся через три минуты. За выход в слот начисляли надбавку. За опоздание

снимали приоритет, а Макс нужен был приоритет — в понедельник платеж по кредиту за мотоцикл, который вторую неделю стоял у знакомого в гараже с разобраным сцеплением.

Можно было отвезти часы после смены. Мастерская закрывалась в шесть, но женщина наверняка ещё будет там: у неё протекал потолок, были перепутаны заказы, да и выглядела она так, словно давно не умела уходить вовремя.

Макс закрыл коробку, сунул её в курьерскую сумку и нажал «Начать смену».

Первый заказ пришёл сразу: кофе и два сэндвича из пекарни у собора, доставить в страховую компанию на Советской. По пути он ещё раз позвонил. Потом ещё. Гудки не шли.

В пекарне очередь упиралась в дверь. Продавщица собирала заказ, не глядя на экран, и положила вместо двух сэндвичей три.

— Тут лишний, — сказал Макс.

— В чеке три.

Он развернул телефон. В чеке было два.

— Тогда уберите один.

— Следующий!

— Девушка, если клиент пожалуется, штраф будет у меня.

Продавщица тяжело вздохнула, достала коробку и переставила её под прилавок. Макс смотрел на её руки и думал о женщине в мастерской. Она тоже сказала: «Проверьте». Если бы он открыл свёрток при ней, сейчас ехал бы по Советской с кофе, а не вспоминал царапины на крышке.

Телефон завибрировал. Он схватил его так быстро, что чуть не уронил стаканы. Звонила диспетчерская.

— Максим Мельников? По вам обращение от мастерской на Речной улице. Просили вернуть ошибочно выданный заказ.

— Соедините меня с ними.

— У нас нет функции соединения. Адрес у вас сохранился?

— Сохранился. Они сказали, что внутри?

— В обращении указано: чужая вещь. Возврат согласуйте самостоятельно. Отметить, что вы уведомлены?

— Отметьте.

— Вы сейчас выполняете заказ. Отклонение от маршрута может повлиять на расчёт времени.

— Я вижу.

На карте синяя линия вела вверх по Советской. Мастерская была в противоположной стороне, за вокзалом. Макс убрал телефон и поехал к страховой. Дождь усилился. Через два квартала бумажный пакет начал размокать сверху, хотя лежал под клапаном сумки. Коробка с часами была ниже, рядом с запасной футболкой. Макс поймал себя на том, что придерживает сумку локтем на каждом повороте.

В страховой его заставили ждать пропуск. Девушка, заказавшая кофе, не отвечала. Охранник смотрел сериал на маленьком экране и каждые полминуты повторял:

— Не имею права пропустить без подтверждения.

Макс снова открыл фотографию, которую сделал на скамейке. Инициалы расплывались от увеличения, дата становилась только грубее. Отец подписывался иначе — размашистая буква «В», похожая на перевёрнутую тройку. На старой открытке она занимала половину строки. Но гравировку мог делать не он.

— Молодой человек, вы мне проход загромождаете, — сказал охранник.

Макс отступил к стеклянной стене.

Он почти не помнил отцовских вещей. После исчезновения мать сложила одежду в два чёрных мешка и отнесла к мусорным контейнерам. Бабушка успела забрать только инстру-

менты и коричневую кожаную куртку, которую потом съела моль. Часов среди вещей не было. По крайней мере, Макс их не видел. В семь лет он вообще думал, что карманные часы бывают только у фокусников и стариков из кино.

Клиентка наконец перезвонила охраннику. Заказ приняли на двенадцать минут позже расчётного времени. Приложение тут же показало жёлтое предупреждение и следующий адрес — суши на набережной, доставка в новый жилой комплекс. Если согласиться, он уедет ещё дальше от мастерской. Если отказаться, потеряет надбавку за непрерывный слот.

Макс нажал «Принять».

Потом открыл контакты и позвонил матери.

Она ответила после шестого гудка:

— Ты промок?

— Здравствуй тоже.

— По радио сказали ливень. Ты же на велосипеде.

— В куртке. Мам, у отца были карманные часы?

На другом конце звякнула крышка кастрюли.

— Какие часы?

— Обычные. На цепочке. Серебристые.

— Откуда мне знать через двадцать лет?

— Ты прожила с ним девять лет.

— И не составляла опись имущества.

Макс слышал, как она открыла воду. Разговор можно было принять за бытовой, если не знать: мать всегда начинала мыть что-нибудь, когда ей хотелось уйти, не кладя трубку.

— Внутри инициалы В. М. и четырнадцатое сентября ноль пятого.

Вода продолжала шуметь.

— Где ты это взял?

— Мне по ошибке отдали в мастерской.

— Верни.

— Я и собираюсь. Ты их видела раньше?

— Макс, ты работаешь или опять занимаешься тем, что ничего не изменит?

— Это простой вопрос.

— Нет. Простой вопрос — были ли у него часы. Не помню. А дата — не вопрос, а крючок.

Ты двадцать лет на него ловишься.

Он вышел под дождь. Вода мгновенно забарабанила по капюшону.

— Я не ловлюсь. Я хочу понять совпадение.

— Чужая вещь совпала с датой. Бывает.

— Ты даже не посмотрела.

— И не буду. Верни владельцу.

— Почему ты так торопишься?

Мать выключила воду.

— Потому что чужое надо возвращать. Хоть этому ты у меня научился?

Связь оборвалась.

Макс стоял под козырьком страховой и смотрел, как по экрану ползёт время приготовления следующего заказа. Мать сказала «верни» тем же голосом, каким когда-то отвечала на вопросы об отце: не сердито, а окончательно. За этой окончательностью всегда оставалось пространство, в которое Макс помещал что угодно — новую семью, долги, аварию, тюрьму, другую страну. С возрастом версии становились правдоподобнее, но легче не делалось.

Он сел на велосипед. До ресторана было семь минут. До мастерской — девять.

На перекрёстке Макс поехал к ресторану.

У входа уже ждали двое курьеров. Один, Тимур, кивнул на мокрые джинсы Макса.

— Рыбкой работаешь?

— Сезонная форма.

— Ты на общий слот вечером выйдешь? Нам человека не хватает. Дима опять с температурой.

Макс вытер экран рукавом.

— Я уже в слоте.

— Не в этом. С шести корпоративный заказ, сорок комплектов в колл-центр. Если помо- жешь развезти этажи, координатор обещал двойной коэффициент.

Сорок комплектов означали деньги на запчасти и, возможно, остаток на платёж. Общие заказы давали редко; если подвести команду, второй раз не позовут.

— Буду, — сказал Макс.

— Без десяти шесть здесь.

Макс кивнул. На часах телефона было семнадцать двадцать восемь.

Заказ задерживали. Он стоял у стойки, слушал выкрики номеров и чувствовал ход меха- низма через стенку сумки, хотя это было невозможно. Часы тикали слишком тихо. Ощущение создавалось памятью — звук, услышанный один раз, продолжал работать внутри головы.

В семнадцать тридцать семь пакет наконец вынесли. Адрес находился в восьми минутах езды от ресторана. После доставки до мастерской — двенадцать. Если клиент примет сразу, Макс успеет вернуться к корпоративному заказу впритык.

Он нажал на педали.

Новый жилой комплекс стоял за высоким забором, а нужный подъезд оказался с проти- воположной стороны. Навигатор привёл к закрытой калитке. Клиент не отвечал. Макс объе- хал дом, показал охране паспорт, поднялся на четырнадцатый этаж и нашёл дверь без номера. Заказ принял мальчик лет десяти.

— А палочки где?

Макс проверил пакет. Палочки лежали в боковом кармане.

— Тут.

— А соус?

— В чеке соуса нет.

— Мама всегда заказывает.

Из квартиры донёсся женский голос:

— Костя, закрой дверь!

Мальчик пожал плечами и закрыл.

Было без четырёх шесть.

Приложение предложило продлить маршрут. Макс завершил слот. На экране появилось сообщение: досрочный выход снизит показатель надёжности. Следом написал Тимур: «Ты где?»

Макс набрал: «Задерживаюсь на десять». Стер. Написал: «Не успеваю, начинайте без меня». Отправил и ещё несколько секунд смотрел на две галочки.

Можно было не возвращаться в мастерскую. Женщина сама нашла его через диспетчер- скую; завтра он отдал бы коробку, получил футляр и задал вопросы. Но завтра она уезжала. А к утру часы могли снова стать просто чужой вещью с чужой датой, и Макс ненавидел себя за то, что эта мысль казалась потерей.

Он спустился, сел на велосипед и поехал к вокзалу.

Мастерская была закрыта. Табличка на двери отсутствовала, за стеклом горел свет. Макс постучал костяшками, потом сильнее.

Женщина, выдавшая ему свёрток, появилась из подсобки. Теперь её волосы были собраны карандашом, на серой кофте темнело мокрое пятно. Увидев Макса, она быстро открыла.

- Коробка у вас?
- Здравствуйте.
- Простите. Здравствуйте. Коробка у вас?
- У меня.
- Войдите, пожалуйста.

В мастерской пахло влажным деревом и крепким чаем. Возле верстака сидела женщина в светлом платье; прозрачный дождевик висел на спинке стула. Перед ней стояла голубая чашка. Рядом, сложив руки на набитом тетрадами рюкзаке, сидела пожилая женщина в зелёном берете. Она посмотрела на Макса с таким вниманием, будто ждала именно его.

— Это Макс, — сказала хозяйка мастерской. — Макс, я Лида. Раньше не представилась. Это Соня. А это Зоя Петровна.

- Мы теперь все знакомимся по чужим вещам? — спросила Зоя Петровна.
- Только сегодня, — ответила Лида.
- Ты уже говорила «только сегодня» про протечку.

Макс снял сумку, но не поставил её на пол.

— Где мой футляр?

Лида указала на длинную упаковку у стены.

— Предположительно там. Я не вскрывала после вашего звонка — хотела сделать это при владельцах. Ваш заказ перепутан с коробкой Сони.

Соня встала.

- Вы её открывали?
- Открывал.
- Часы целы?
- Идут.
- Они не шли одиннадцать лет.

Макс почувствовал, как ремень сумки врезался в плечо.

— Тогда почему сейчас идут?

— Их ремонтировали, — сказала Лида. — Моя мать успела заменить заводную головку и почистить механизм. В карточке это указано.

— А дата?

Соня нахмурилась.

— Какая дата?

Макс достал коробку. Лида протянула руку, но он положил её на верстак и сам поднял крышку. Тиканье стало слышно в общей тишине.

Соня коснулась цепочки, не вынимая часов.

- Мои.
- Откуда они у вас?
- Она посмотрела на него поверх оправы.
- От дедушки. Потом они были у мамы.
- Кто такой В. М.?
- Валентин Михайлович. Мой дед.

Ответ прозвучал без паузы. Макс почувствовал одновременно облегчение и раздражение: инициалы получили хозяина слишком быстро, словно закрылась дверь, которую он ещё не успел открыть.

— А дата?

Соня перевернула крышку и долго смотрела на царапины.

— Этого здесь не было.

— Уверены?

— Я училась определять время по этим часам. Дед разрешал заводить их по воскресеньям. Я знаю каждую царапину.

— Но одиннадцать лет вы их не видели.

— Они лежали в коробке у меня дома.

— Тогда могли забыть.

Соня подняла глаза.

— Могла. Но не забыла.

Лида достала из-под полотенца влажную карточку. Бумага расползалась по краям, запись читалась кусками.

— Заказ приняли в июне. Здесь нет упоминания о гравировке. Только чистка, головка и стекло.

— Кто принял? — спросил Макс.

— Моя мать.

— Я могу с ней поговорить?

Лида положила карточку на стол.

— Она умерла.

Макс опустил взгляд. На мгновение все звуки собрались вокруг падения воды в металлический таз.

— Извините.

— Вы не знали.

Зоя Петровна придвинулась ближе.

— Вера ничего не царапала на вещах без разрешения. Даже с внутренней стороны.

— А с разрешения? — спросил Макс.

— Тогда записала бы.

— Вы работали здесь?

— Я здесь полжизни спорила, — ответила она. — Это надёжнее трудовой книжки.

Лида взяла часы за края, осмотрела крышку под лампой.

— Рез старый. Не сегодняшний и не вчерашний. В углублениях тот же налёт, что по краю корпуса.

— Насколько старый?

— По виду точный возраст не определяют.

— То есть дата могла быть там всегда.

— Могла.

— А могла появиться после того, как Соня в последний раз открывала крышку.

— Тоже могла.

Макс усмехнулся.

— Хорошая мастерская. На любой вопрос два ответа.

— Сейчас у меня нет права дать вам третий и назвать его правдой.

Лида сказала это спокойно, но Макс услышал в спокойствии усталость. На стене за ней висел список из множества пунктов. Несколько были зачёркнуты, остальные теснились до самого низа. На полу стоял чемодан.

Соня протянула ладонь.

— Верните часы, пожалуйста.

Макс не двинулся.

— Дата совпадает с днём, когда пропал мой отец.

— Мне жаль, — сказала Соня.

— Его звали Вадим Мельников.

— Я не знала человека с таким именем.

— В две тысячи пятом вы жили в Ладожине?

— Жила.
— Ваша мать?
— Тоже.
— Дед?
— Умер за три года до этого.
— Значит, дату вырезал не он.
— Вероятно, нет. Но часы мои.
Макс закрыл коробку.
— Я не собираюсь их красть.
— Тогда отдайте.

Её голос не стал громче. Именно это злило сильнее всего. Она не спорила с важностью даты, не пыталась его успокоить. Просто отделяла его вопрос от своего права.

— Мне нужно показать их матери.
— Ваша мать знает моего деда?
— Не знаю.
— Тогда вы хотите унести мою вещь, чтобы проверить догадку, которой пока нет.
— На один вечер.
— Нет.

Макс посмотрел на Лиду, ожидая, что та вмешается. Лида стояла по другую сторону верстака, положив ладонь на мокрую карточку.

— Соня вправе забрать часы сейчас, — сказала она.
— А вы вправе были отдать их мне?
— Нет. Это моя ошибка.
— Но отдали. Я из-за неё бросил смену.
— Я возьму дорогу.
— Дело не в дороге.

Телефон завибрировал в кармане. Тимур звонил. Макс отклонил вызов. Через секунду пришло сообщение от координатора: «Подтверди участие или снимаю с группы». Макс не ответил.

Зоя Петровна вздохнула.
— Вера в таких случаях ставила чайник.
— Чайник не меняет владельца, — сказала Лида.
— Зато люди перестают говорить, как объявления на столбах.

Соня села. Голубая чашка осталась между ней и Зоей Петровной, и Макс только теперь понял: здесь уже шёл такой же спор. Чужая вещь попала к человеку и зацепилась за прошлое. Разница была в том, что Соня требовала свои часы, но сама не торопилась отдать чашку.

— А это чья? — спросил он.
— Моя, — сказала Зоя Петровна.
— Была мамина, — одновременно произнесла Соня.

Они посмотрели друг на друга.
— И вы её не отдаёте? — спросил Макс у Сони.
— Я не уносила её. Ждала хозяйку.
— Теперь хозяйка здесь.

Зоя Петровна взяла чашку за ручку. Соня сразу убрала ладони на колени.
— Я могу забрать её прямо сейчас, — сказала Зоя Петровна.
— Можете.
— И ничего тебе не объяснять.
— Можете.

Зоя Петровна подержала чашку на весу и снова поставила.

— Но я объясню. Только не сегодня. Сегодня у меня из-за вашей Веры вместо чашки один красный сапог, и он тоже не с неба свалился.

Лида закрыла глаза на короткую секунду.

— Зоя Петровна, мы ещё не установили, ваш ли свёрток с сапожком.

— На бирке мой номер.

— На бирке Макса тоже был его номер.

— Значит, установим. Но сначала молодой человек отдаст учительнице часы.

Макс провёл пальцем по крышке коробки. Он уже понимал, что не отдаст. Не сейчас. Это было неправильно — настолько ясно, что не требовало объяснений. И всё же если он выпустит коробку из рук, Соня уйдёт, мастерская закроется, Лида уедет, а дата останется единственной дверью без ручки.

— Нет, — сказал он.

Соня побледнела, но голос её не изменился:

— Тогда я вызову полицию.

— Вызывайте.

— Макс, — сказала Лида, — факт ошибочной выдачи не делает часы вашими. У меня есть карточка заказа и свидетель.

— А у меня есть ваша бирка и звонок диспетчера.

— Они доказывают ошибку, не право собственности.

— Я знаю.

— Тогда что вы делаете?

Он хотел сказать: ищу отца. Но это прозвучало бы так, будто отец помещался внутри деревянной коробки и терпеливо ждал двадцать один год. Макс не верил в такие вещи. Он верил в плохо заполненные бумаги, случайные встречи, чужую ложь и собственную способность дожать вопрос, если остальные устали.

— Удерживаю часы до завтра, — сказал он. — Пока вы не найдёте, откуда взялась дата.

— Нет, — повторила Соня.

— Тогда звоните.

Она взяла телефон. Макс расстегнул сумку, положил коробку внутрь и сразу пожалел о демонстративности жеста.

Лида обошла верстак и встала между ним и дверью. Она была ниже Макса и не пыталась казаться сильнее. Просто перекрыла узкий проход.

— Вы можете уйти, — сказала она. — Я не стану вас удерживать. Но сначала запишите полные данные и подпишите, что получили требование владельца о возврате.

— Зачем?

— Чтобы сегодня не осталось ещё одной размытой бирки. Соня получит копию. Я — копию. Вы укажете срок возврата и место хранения. Если не вернёте, у неё будет не история про курьера в жёлтой куртке, а сведения для заявления.

Соня перестала набирать номер.

— Вы это предлагаете вместо возврата?

— Нет. Я по-прежнему требую вернуть часы сейчас. Но если Макс всё равно уйдёт, последствия должны идти за ним, а не за вами.

Лида достала чистый лист. Руки у неё больше не дрожали.

Макс посмотрел на сообщение координатора. Группа уже была назначена без него. Потом появилось новое: «На следующие общие заказы не рассчитывай». Он выключил экран.

— До завтра — это какой час? — спросил он.

— Девять утра, — сказала Соня.

— Мастерская открывается в десять, — заметила Лида.

— Она закрыта вообще, — сказала Зоя Петровна. — Не придирайтесь к вывеске.

Лида посмотрела на чемодан. Утренний поезд уходил в семь сорок. Макс увидел, как она считает что-то про себя, и впервые понял, что его решение отнимает не только чужую смену.

— В восемь тридцать, — сказала Лида. — Здесь. До этого я проверю картотеку и ремонтный журнал. Макс приносит часы. Соня решает, готова ли она дать ещё время на проверку. Если нет, часы возвращаются ей немедленно.

— А если вы ничего не найдёте? — спросил Макс.

— Тогда отсутствие ответа не становится вашим правом держать вещь.

Он сел за край стула и написал фамилию, имя, отчество, адрес регистрации, фактический адрес и номер телефона. Лида попросила показать паспорт, сверила цифры и не стала фотографировать документ. Ниже Макс записал: «Карманные часы в деревянной коробке получил ошибочно. Владелица потребовала возврат. Обязуюсь принести в мастерскую 29 августа к 8:30. До этого храню при себе, не вскрываю корпус и не передаю третьим лицам».

— Корпус уже открывали, — сказал он.

— Крышку — да. Я имею в виду механизм.

— Я не собирался.

— Запись нужна не о намерениях.

Макс подписал три экземпляра. Соня подписала, что требует возврата. Лида — что подтверждает ошибочную выдачу. Зоя Петровна отказалась быть свидетелем, пока ей не дадут прочитать всё дважды, потом нашла пропущенную запятую, дождалась исправления и расписалась крупно, заняв две строки.

— Теперь это всё ещё неправильно, — сказала Соня, складывая свой экземпляр. — Просто неправильно без тумана.

— Понимаю, — ответил Макс.

— Нет. Пока нет.

Она убрала лист в сумку с тетрадями.

Лида развернула длинный свёрток. Внутри действительно оказался старый футляр Макса — коричневый, с новой маленькой петлёй. Он открыл и закрыл его несколько раз. Створки сходились ровно. На внутренней подкладке лежала записка рукой Веры: «Кожу не мочить. Петлю не испытывать на излом — она держит очки, а не характер владельца».

Зоя Петровна фыркнула.

— Это она тебе ещё мягко написала.

Макс убрал очки в футляр и положил его в нагрудный карман. За ремонт он уже заплатил при приёмке. Никаких формальных причин оставаться не было.

— В восемь тридцать, — повторила Лида.

— Буду.

— Если передумаете раньше, позвоните мне. Номер здесь.

Она написала его на обороте Максовой копии. Рядом добавила номер Сони — после короткого кивка хозяйки часов.

Макс надел сумку. Телефон снова завибрировал: приложение сообщало, что показатель надёжности снижен, вечерняя гарантия оплаты отменена. Он мог написать в поддержку, приложить обращение мастерской и попытаться оспорить санкцию. Но отклонение от маршрута он выбрал сам, как и пропущенный общий заказ. Ошибка Лиды привела его к скамейке с чужой коробкой; всё после звонка диспетчера принадлежало уже ему.

У двери он остановился.

— Я не хочу забрать ваши часы, — сказал он Соне.

— Но забираете.

— До утра.

— До утра — это срок, а не оправдание.

Макс кивнул. Спорить было нечем.

На улице дождь почти закончился. В лужах отражались окна вокзала, и велосипеды у ограды казались перевёрнутыми, повисшими колёсами в жёлтом свете. Макс пристегнул сумку дополнительным ремнём и не поехал сразу. Он открыл переписку с Тимуром.

«Подвёл. Не буду придумывать причину. Если с заказа снимут часть денег, переведу свою долю завтра».

Ответ пришёл быстро: «Уже развезли. Координатор бешеный. Я тоже».

Макс написал: «Понимаю». Больше добавить было нечего.

Он позвонил матери. Она не ответила. Тогда отправил фотографию внутренней крышки и сообщение: «До 8:30 часы у меня. Посмотри, пожалуйста. Если знаешь хоть что-то про дату или владельцев, скажи сегодня. Утром я их верну».

Последняя фраза далась труднее остальных. Макс перечитал её и не исправил.

В сумке тикали часы Валентина Михайловича, принадлежавшие Соне. Дата всё ещё совпадала с исчезновением Вадима Мельникова, но совпадение не делало ни часы отцовскими, ни Макса их владельцем. Оно давало ему только одну ночь и обязательство явиться утром.

Он сел на велосипед и поехал домой медленнее обычного, объезжая каждую яму.

Глава 3. Красный сапожок

Зоя Петровна не позволила Лиде убрать сапожок со стола.

Он стоял между голубой чашкой и мокрыми карточками, маленький, вызывающе красный, с тёмной полосой засохшей грязи над подошвой. Шнурок был продет только до середины. На носке кожа собралась неглубокими складками, будто ребёнок долго приседал в нём у лужи. Второго сапожка в свёртке не было.

— Сначала ты мне скажешь, откуда он взялся, — произнесла Зоя Петровна. — Потом уже будешь раскладывать нас по коробкам.

Соня сидела у окна, держа сумку на коленях. Макс ушёл несколько минут назад, но тиканье его часов как будто осталось в комнате. Лида всякий раз прислушивалась к дождю и ждала, что дверь откроется: Макс вернулся, передумал, принёс коробку. Дверь не открывалась.

— Я скажу, когда найду карточку, — ответила она.

— Карточку ты уже нашла. На ней мой номер.

— Именно поэтому я не хочу делать ещё один вывод по номеру.

Зоя Петровна поправила сапожок так, чтобы носок смотрел на Лиду.

— У него была пара.

— У большинства сапог она бывает.

— Не остри голосом своей матери. У тебя не получается.

Лида прикусила ответ. Вера умела произнести самую обычную фразу так, что собеседник ещё долго не понимал, его утешили или назначили виноватым. Лида говорила прямее и всё равно слышала в собственном голосе материнские интонации, как слышат за стеной чужой радиоприёмник.

Она разложила уцелевшие карточки на сухом краю верстака. На каждой Вера ставила порядковый номер, фамилию, телефон, краткое описание вещи и работы. В день протечки вода размывала нижнюю треть картотеки. Чернила потекли вертикальными синими дорожками, углы слиплись. Лида уже отделила карточку Сони от двух соседних, но дальше лежал плотный комок бумаги.

— Соня, вам не обязательно ждать, — сказала она. — К восьми тридцати я буду здесь. Если Макс не придёт, сразу звоните в полицию. Я подтверждаю всё письменно.

— Я знаю, что мне не обязательно, — ответила Соня. — Но чашка пока у вас.

Зоя Петровна накрыла чашку ладонью.

— У меня.

— Тогда у вас.

— И я могу её забрать.

— Можете.

Зоя Петровна снова не взяла чашку. Она повернулась к окну, где по стеклу ползли последние капли.

— Вот это меня в тебе и сердит, — сказала она. — Ты со всем соглашаешься, а уходить не торопишься.

— Я ждала объяснения.

— Чужое объяснение тоже не твоя собственность.

Соня опустила взгляд. Лида поняла, что эта фраза предназначалась не только ей, и на секунду захотела отправить обеих домой. Утром нужно было встретить Макса, проверить журналы, успеть на другой поезд или окончательно отказаться от места в Нижнем. Чемодан стоял у стены, напоминая о решении, которое ещё утром казалось выполненным.

Она принесла из подсобки две плоские доски, чистую хлопчатую ткань и настольный вентилятор. Мокрые карточки нельзя было сушить горячим воздухом. От резкой просушки

бумагу повело бы сильнее, а чернила могли расплыться. Лида проложила тканью первые листки и прижала их доской.

— Это надолго? — спросила Зоя Петровна.

— Да.

— Хорошо. Тогда начнём без бумажек.

Она подняла сапожок двумя пальцами за голенище. Изнутри выскользнула бирка на суровой нитке. Лида протянула руку, но Зоя Петровна не отдала её.

— Здесь сто шестнадцать, — сказала она. — Мой номер был сто шестнадцать. Я его помню, потому что в сто шестнадцатой квартире жила до замужества.

— Покажите.

— Смотри отсюда.

На лицевой стороне действительно было написано `116`. Цифры не расплылись. Ниже стояла короткая косая черта и ещё что-то, похожее на букву «д».

— Это бирка от вашей чашки, — сказала Лида. — Она могла попасть на сапожок после протечки.

— А сапожок мог попасть в мастерскую до протечки.

— Мог.

— Вот и первый ответ.

— Это не ответ. Это границы того, что мы пока знаем.

Зоя Петровна поставила сапожок обратно.

— Вера тоже любила границы. Особенно чужие. Своих не замечала.

Соня подняла голову.

— Вы знали её давно?

— С тех пор, когда здесь ещё жили люди, а не отвёртки.

Лида перестала поправлять ткань.

Мастерская занимала первый этаж старого кирпичного дома. В детстве Лида знала, что прежде здесь были две комнаты и кухня, но представляла жильцов смутно: тёмный платяной шкаф вместо витрины, кровать там, где теперь верстак. Вера рассказывала только, как выкупила помещение у города после расселения. До этого она принимала заказы на дому.

— Какая семья? — спросила Лида.

Зоя Петровна провела пальцем по верхнему краю сапожка, не касаясь кожи.

— Громы. Марина с двумя девочками и её отец, Степан Ильич. Старшую звали Алёна. Младшую...

Она нахмурилась.

— Не Кира? — спросила Соня.

— Какая ещё Кира? Младшую звали Даша. Маленькая была, всё бежала впереди сестры, а сапоги ей покупали на вырост. Красные, с круглыми носами. Один шнурок вечно волочился.

Лида посмотрела на тёмную полосу над подошвой. В комнате стало слышно, как вентилятор перебирает краями ткани.

— Когда они здесь жили?

— До большого паводка. Потом стену признали сырой, Громым дали квартиру на окраине. Степан Ильич не хотел ехать. Говорил, что дом простоял при царе и его переживёт. Не пережил — ни дом его, ни он дом.

— Это было больше двадцати лет назад. Сапожок выглядит старым, но не настолько.

— Ты по складкам возраст определила?

— По материалу, швам и подошве. И кожа почти не пересохла. Если его хранили здесь двадцать лет без ухода, состояние было бы хуже.

— Значит, ухаживали.

Зоя Петровна сказала это тихо, и обвинение прозвучало весомее.

Лида взяла фонарь и осветила внутреннюю сторону голенища. Подкладка была чистой, на ней проступали штамп размера и выцветшая надпись шариковой ручкой. Не имя — две буквы: `К. С.`

— У Громовых фамилия на «Г», — сказала Лида.

— А у детей бывают отцы.

— Вы помните фамилию отца?

— Помню, что он не жил здесь.

— То есть не помните.

— Я помню достаточно, чтобы не называть догадку знанием.

Лида услышала собственную недавнюю фразу и невольно посмотрела на Зою Петровну. Та усмехнулась одним уголком рта.

— Иногда и от тебя польза есть.

Соня встала и подошла к верстаку.

— К. С. может означать Кира Серова.

Лида уже думала об этом. Фамилия Серова стояла на уведомлениях о выкупе, в письмах, на визитке, оставленной Артёмом после похорон. Его дочь Кира однажды приходила с ним, молча фотографировала старые дверные ручки и выглядела лет на пятнадцать. Но сапожок был рассчитан на ребёнка лет пяти.

— У Серова две дочери? — спросила Зоя Петровна.

— Я не знаю.

— А мать твоя знала?

— Вероятно.

— Мать твоя всё про всех знала. Даже то, чего ей не говорили.

Лида поднесла свет ближе. Ручка на подкладке была синей, гораздо свежее выцветшего фабричного штампа. Рядом ткань чуть поблёскивала, словно буквы пытались вывести пятновыводителем.

— Если это вещь Серовых, она должна быть в основной картотеке, — сказала Лида.

— Если Вера записывала всё в основную.

— Другой нет.

Зоя Петровна посмотрела на мокрую стопку.

— Тогда почему ты сказала «основная»?

Лида замерла. Слово выскочило само — так Вера называла высокий шкаф у окна: «поставь в основную», «проверь в основной». Лида всегда считала, что речь идёт об основной картотеке в отличие от бухгалтерской папки с копиями квитанций. Но квитанции Вера называла квитанциями.

— Привычка, — сказала она.

— Не твоя.

Зоя Петровна знала Веру достаточно давно, чтобы различать их привычки, и именно это сейчас было невыносимо.

Лида сняла верхний ящик картотеки. За ним была пыльная стенка шкафа. Никакого тайника. Она проверила нижний, потом средние. Карточки занимали не всю глубину: за ними стояли деревянные ограничители, чтобы листки не падали. Один ограничитель оказался заметно толще остальных.

— Не ломай, — сказала Соня.

— Я реставратор.

— Это не ответ.

— Для меня — ответ.

Лида провела ногтем по соединению. Толстая планка состояла из двух частей. Клей на стыке был старым, но одна сторона двигалась. Она принесла тонкий шпатель, подложила ткань

и осторожно нажала. Планка раскрылась, как узкая крышка. Внутри лежали не карточки, а сложенный вчетверо лист и маленький латунный ключ.

Зоя Петровна шумно выдохнула.

— Ну конечно.

— Вы знали?

— Я знала Веру.

На листе был перечень номеров от руки. Два столбца, между ними стрелки. `116 — 116/д`, `204 — 204/о`, `319 — 319/д`. Несколько строк зачёркнуты, напротив других стояли даты. Внизу Вера написала: «Не выдавать по второму номеру. Сверять владельца».

Лида прочитала дважды.

— Что означает «д»? — спросила Соня.

— Не знаю.

— А «о»?

— Не знаю.

— Зато теперь у тебя два незнания вместо одного, — сказала Зоя Петровна. — Богатство.

Лида положила лист под прозрачную папку, чтобы не испачкать мокрыми пальцами. Номер Зоиной чашки был в перечне. После косой черты на бирке сапोजка действительно могла стоять буква «д».

— Второй номер не принадлежит заказу, — сказала она. — Здесь прямо написано не выдавать по нему.

— Но выдали.

— После протечки бирки смешались.

— Бирка не могла смешаться с вещью, если вещи не было здесь.

— Да.

Лиде пришлось произнести это вслух. Сапожок принесли в мастерскую до протечки, Вера включила его во второй учёт и связала с номером чашки. Ошибка Лиды не создала связь — только превратила внутреннюю пометку в выдачу.

Соня коснулась пальцем прозрачной папки.

— На часах тоже должен быть двойной номер?

— Возможно.

— И на моём футляре?

— Возможно.

— Тогда Макс получил часы не случайно?

— Получил случайно. Мы не знаем, зачем мать связала номера. И не знаем, с кем она их связывала.

— Но дата на часах совпала с исчезновением его отца.

— Совпала. Это не доказывает намерения матери.

Соня убрала руку.

— Вы всё время защищаете её или обвиняете?

Вопрос попал точнее, чем Лиде хотелось.

— Я защищаю то, что можно доказать.

— Нет, — сказала Зоя Петровна. — Ты оставляешь ей право молчать, потому что мёртвым удобно не отвечать.

Лида закрыла планку и положила ключ рядом с листом.

— А вы хотите назначить её виноватой, потому что тогда вам не придётся объяснять, почему вы узнали сапожок.

Зоя Петровна отступила от верстака.

— Я уже объяснила.

— Вы рассказали про семью, жившую здесь двадцать лет назад. На сапожке другие инициалы. Вы не знаете, принадлежал ли он тем детям. Но с первой минуты говорите так, будто мать украла его у них.

— Я не говорила «украла».

— Вы сказали, что она хранила чужие утраты.

— А разве нет?

Зоя Петровна обвела рукой комнату. На верхних полках стояли невыданные вещи: радиоприёмник без ручки, три стула, коробка с ёлочными игрушками, швейная машинка под серым чехлом. Большинство владельцев Лида обзвонила после похорон. Кто-то обещал прийти, кто-то просил выбросить заказ, двое умерли. Вера не умела выбрасывать то, за чем могли вернуться.

— Утратой вещь делает человек, — сказала Лида. — Не полка.

— А если человеку её не вернули?

— Тогда это удержание чужого имущества. И я верну.

— Кому?

Лида посмотрела на сапожок.

— Владельцу.

— Которого ты не знаешь.

— Найду.

— Как нашла владельца часов?

Соня резко выпрямилась. Зоя Петровна сразу подняла ладонь.

— Это не вам, милая. Это ей.

— Но часы мои, — сказала Соня. — Значит, и мне.

Зоя Петровна кивнула, принимая замечание.

— Верно. Простите.

Она умела извиняться без уменьшительных оговорок, и от этого Лида разозлилась ещё сильнее. С матерью Зоя спорила годами, но их ссоры явно подчинялись правилам, которых Лида не знала.

— Почему вы не забрали чашку раньше? — спросила Лида.

Зоя Петровна провела ладонью по трещине. Склейка была старой, клей пожелтел, по краю не хватало крошечного осколка.

— Потому что Вера обещала переделать.

— Когда?

— Весной.

— Вы принесли её весной этого года?

— Нет. Семь лет назад.

Соня тихо сказала:

— Семь?

— Я не торопила. Чашка стояла у меня в шкафу тридцать лет, могла постоять у Веры.

— Семь лет — не ремонт, — сказала Лида.

— Я знаю.

— Тогда зачем оставили?

— Она попросила.

— Для чего?

— Сказала, что сначала должна найти одну женщину.

Соня побледнела.

— Мою мать?

Зоя Петровна посмотрела на неё долго и без прежней колкости.

— Наверное. Имени она не сказала.

— Вы знали, что чашка была у нас?

— Знала, что когда-то отдала её Галине. Не знала, осталась ли она у неё.

— Вы отдали её моей матери?

— Да.

— Почему?

Зоя Петровна взялась за ручку чашки и на этот раз притянула её к себе.

— Потому что она ухаживала за моей матерью, когда я не могла. А потом мы обе решили, что каждая сделала больше другой. Плохой был разговор. Очень подробный, чтобы ни у кого не осталось шанса простить по недоразумению.

— Мама говорила, что чашка досталась ей после смерти пациентки.

— Так и было. Я сама отдала.

— Но потом захотели назад?

— Через много лет. Когда Галины уже не стало. Вера сказала, что вещь принадлежит тебе, пока ты сама не решишь иначе. Поэтому чашка стояла здесь семь лет.

Лида посмотрела на второй номер в перечне. `116/д`. Если буква означала «другой», «долг» или «договор», Вера не записала расшифровку рядом. Но теперь становилось ясно: мать не просто откладывала ремонт. Она удерживала чашку между двумя женщинами, ни одной не дав окончательного ответа.

— Вы обвиняете её в том, на что сами согласились, — сказала Лида.

— Да.

Прямота ответа остановила её.

— Я оставила чашку, — продолжила Зоя Петровна. — Вера оставила её на полке. Мы обе называли это ожиданием подходящего времени. Галина умерла, потом Вера. Подходящее время оказалось очень терпеливым: пережило всех, кроме нас с Соней.

Соня стояла неподвижно.

— Вы могли найти меня.

— Могла.

— Почему не нашли?

— Боялась, что ты скажешь: мама была права, а я нет. Ещё сильнее боялась, что скажешь обратное и отдашь чашку из жалости.

— А теперь чего хотите?

Зоя Петровна разжала пальцы на ручке.

— Теперь хочу не отвечать за тебя.

Она подвинула чашку к середине стола. Не к себе и не к Соне.

Лида отвернулась к картотеке. Влажная ткань потемнела. Она сменила прокладки, осторожно отделила ещё две карточки. На первой сохранился номер `116`, фамилия Зои Петровны и запись о чашке. В нижнем углу, почти смытом водой, проступала косая черта. Лида направила фонарь сбоку. После черты стояла буква `д`, написанная поверх более бледного номера.

Вторая карточка была меньше обычной и из другой бумаги. На ней не было фамилии владельца, только: `116/д`, «красный, левый, р. 28», дата приёмки и одна строка: «К. С. — только лично». Дата была поставлена восемь месяцев назад.

— Вот, — сказала Лида.

Соня и Зоя Петровна наклонились одновременно.

— Левый, — прочитала Соня. — Значит, второй существует.

— Или существовал, — сказала Зоя Петровна.

— К. С. — человек, которому мать собиралась выдать сапожок лично, — сказала Лида.

— Не обязательно владел. Но карточки образуют пару.

— И это второй учёт, — сказала Соня.

Лида не ответила. Слова звучали слишком большими для двух размокших листков, но отрицать было нечего. Основной номер принадлежал вещи и заказчику. Дробный — другой вещи и человеку, которому Вера по какой-то причине хотела её показать или вернуть. Таких строк на найденном перечне было семнадцать.

— Семнадцать чужих утрат, — произнесла Зоя Петровна.

— Семнадцать записей.

— Ты будешь исправлять меня до самой правды?

— Если понадобится.

Зоя Петровна неожиданно улыбнулась.

— Вот теперь голос твой.

Лида взяла телефон. Было уже больше десяти вечера, но на визитке Артёма Серова значился личный номер. Она набрала сообщение, не раскрывая чужих имён: «В мастерской найдена детская вещь с инициалами К. С. и отдельной карточкой Веры Воронцовой. Возможно, она связана с вашей семьёй. Прошу подтвердить, есть ли у вас дочь или родственница с такими инициалами и теряла ли она левый красный сапожок 28 размера. Вещь никому не передаётся до установления владельца».

Перечитала и показала Соне.

— Почему мне? — спросила та.

— Чтобы потом никто не сказал, что я написала другое.

— Это не делает меня свидетелем истины.

— Только свидетелем текста.

Соня кивнула. Лида отправила сообщение.

Ответ появился, когда экран ещё светился.

«У меня две дочери. Кира и Маша. Сапожки Маши сдавали Вере на замену крючков прошлой зимой. Пару не забрали после больницы. Завтра в 9:00 приеду сам. Ничего Кире не выдавайте».

В комнате никто не заговорил сразу.

— Кира Серова, — сказала Соня. — Значит, буквы её.

— Он написал, что сапожки Маши, — ответила Лида.

— А выдать велено Кире, — сказала Зоя Петровна.

Лида увеличила сообщение. «После больницы» могло означать что угодно — от простого обследования до события, о котором нельзя спрашивать у посторонних. И последняя фраза была требованием отца, но не доказательством права решать за обеих дочерей.

— В девять будет поздно, — сказала Соня. — Макс должен прийти в восемь тридцать.

— Поэтому я буду здесь раньше.

Лида написала Серову: «В 8:30 уже назначена встреча по другой ошибочной выдаче. В 9:00 возможно. Привезите, пожалуйста, квитанцию или фотографию пары и документ, подтверждающий получение заказа. До выяснения вещь останется в мастерской».

На этот раз ответа не было.

Зоя Петровна завернула сапожок в сухую ткань.

— Не в тот свёрток, — сказала Лида.

— Я не уношу. Укрываю. Он всю ночь под лампой простоял.

— Коже всё равно.

— А мне нет.

Лида позволила ей закончить. Потом подписала чистый пакет: `116/д. Красный левый сапожок. До установления владельца не выдавать`. Рядом положила карточку в прозрачной папке и записала время обнаружения.

Соня надела плащ.

— Чашку оставим здесь?

Зоя Петровна посмотрела на неё.

— Если хочешь.

— Я спрашиваю, чего хотите вы.

— Забрать домой и поставить в шкаф. А потом каждый день думать, что она должна была остаться у тебя. Поэтому пусть пока здесь.

— Я хочу услышать остальное. Про маму и вашу ссору.

— Услышишь.

— Не через семь лет.

— Завтра после часов.

Соня повернулась к Лиде.

— Я приду в восемь двадцать.

— Хорошо.

— Если Макс не появится, ждём пять минут и звоним. Не час, не до обеда.

— Согласна.

— И сапожок не показывайте Серову без Киры.

— Я не могу обещать этого. Возможно, вещь принадлежит его младшей дочери, а Кира несовершеннолетняя.

— Тогда хотя бы не отдавайте только потому, что он велел.

— Этого я и так не сделаю.

Соня задержалась у двери.

— Сегодня вы тоже говорили, что часы нельзя удерживать. Но они у Макса.

— Поэтому завтра я буду точнее.

Соня вышла.

Зоя Петровна не двинулась с места. Она ждала, пока шаги стихнут на лестнице, потом достала из кармана старую фотографию. На снимке у входа в этот дом стояли две девочки. Старшая шурилась от солнца, младшая держалась за косяк. На ней были красные сапоги, слишком большие и потому смятые у щиколоток.

— Вы всё-таки знали, — сказала Лида.

— Я знала, что похожи.

— Почему не показали сразу?

— Потому что девочка на фотографии умерла двадцать лет назад. А сапожок твоей матери принесли восемь месяцев назад. Я хотела понять, что именно обвиняю её в хранении: старую вещь или старую боль в новой паре.

Лида взяла фотографию за края. На обороте Вера написала: «Громы. Перед расселением». Никаких иных пометок не было.

— Даша умерла после переезда?

— Через год. Болела давно. Марина поэтому и согласилась на окраину: там квартира была сухая. Не помогло.

— Сапожки Маши Серовой не могут принадлежать Даше.

— Я вижу.

— Тогда зачем фотография?

— Спроси у Веры.

— Она умерла.

— Вот за это я на неё и сердита больше всего.

Зоя Петровна забрала снимок, но Лида удержала край.

— Оставьте до утра. Я сделаю копию и верну.

— Зачем?

— На обороте почерк матери. Фотография могла быть частью второго учёта.

Зоя Петровна отпустила.

— Запиши, что взяла.

Лида записала. Два экземпляра, время, описание, подписи. После истории с часами бумага уже не казалась избыточной.

Когда Зоя Петровна ушла, мастерская стала тесной от молчания. На верстаке лежали две карточки с одним основным номером, список семнадцати соответствий, латунный ключ и фотография девочек у двери. В пакете стоял левый сапожок Маши Серовой, помеченный инициалами её старшей сестры. Голубая чашка ждала разговора двух живых женщин. Где-то у Макса тикали часы Сони.

Лида достала чемодан из-под вешалки. Утренний поезд она уже не успевала: встреча в восемь тридцать, Серов в девять, а следующий уходил после полудня. Можно было уехать на нём. Можно было передать ключи агенту и разбираться по телефону. Ещё утром это называлось бы разумным планом.

Она вынула из чемодана рабочие брюки, свитер и зарядное устройство. Остальные вещи оставила внутри.

Потом открыла журнал и выписала все семнадцать двойных номеров на отдельный лист. Напротив `116/д` написала: «красный левый сапожок, Маша Серова; К. С. — только лично; связь с фото Громовых не установлена». Ни слова «утрата». Ни слова «обещание». Пока только то, что можно доказать.

Внизу списка она добавила время следующей проверки: семь утра. Латунный ключ не подходил ни к одному ящику картотеки. На его бородке была свежая царапина, а к кольцу прилип крошечный клочок серой бумаги.

Лида подняла глаза на шкаф с квитанциями.

В мастерской существовал второй учёт. Значит, где-то должно было существовать и место, для которого Вера оставила ключ.

Глава 4. Пустой футляр

В семь двадцать утра мастерская пахла мокрым кирпичом, кофе и сапожным кремом, которого здесь никогда не держали. Лида открыла дверь со двора, поставила чайник и сразу увидела пакет с красным сапожком. Ночью он не изменился, но записка на нём словно стала строже: «До установления владельца не выдавать».

За окном дворник сгребал листья в тёмные кучи. Каждый взмах метлы открывал мокрый асфальт и тут же оставлял на нём новую россыпь. Лида включила настольную лампу, сняла со стены календарь заказов и перечитала утренний порядок: в восемь двадцать Соня, в восемь тридцать Макс, в девять Артём Серов. В семь часов она собиралась проверить шкаф с квитанциями. Вместо этого уже десять минут смотрела на латунный ключ.

Ключ не подходил к ящикам картотеки. Ночью Лида проверила их дважды. Теперь она попробовала шкаф под лестницей, старый кассовый ящик и плоский ларец, где Вера держала образцы шпона. Ничего. Серый клочок у кольца размок от её пальцев и оказался не бумагой, а войлоком.

В половине восьмого за дверью коротко поскреблись.

— Закрыто, — сказала Лида, не поднимая головы.

— Я вижу. Поэтому и не стучу громко.

На пороге стояла девочка лет шестнадцати в зелёной куртке. Тёмные волосы были убраны под капюшон, на шнурке у шеи висел один беспроводной наушник. Второй она держала в ладони вместе с квитанцией.

— Кира Серова?

— Если папа звонил, меня здесь нет.

Лида открыла дверь шире, но с прохода не отошла.

— Он написал. Придёт в девять.

— Тогда у нас час двадцать.

— На что?

Кира посмотрела мимо неё, на полки, будто мастерская могла ответить безопаснее.

— Забрать Машин сапог. И сказать вам, что вы вчера отдали мне не его.

Она протянула квитанцию. Номер `116/д` совпадал с карточкой, подпись внизу была Артёма Серова. В графе заказа значилось: «Замена двух крючков, укрепление задника, детские сапоги красные, пара». Лида не взяла бумагу сразу.

— Где вещь, которую вы получили?

— Дома.

— Почему не принесли?

— Потому что папа проверяет мой рюкзак, когда думает, что я что-то скрываю.

— А вы скрываете?

— Да.

Ответ прозвучал без вызова. Кира просто сообщила обстоятельство, как температуру на улице.

Лида впустила её и закрыла дверь. На верстаке лежал пакет. Кира узнала сапожок ещё до того, как Лида развернула ткань.

— Левый, — сказала она. — У Маши потерялся левый.

— Он не потерялся. Его не забрали после ремонта.

— Для Маши это одно и то же.

Кира провела пальцем над новым крючком, не касаясь кожи.

— Можно?

— Смотреть можно. Выдавать буду владельцу или законному представителю после проверки.

— Я сестра.

— Несовершеннолетняя сестра.

— А папа — совершеннолетний человек, который велел вам ничего мне не отдавать. Очень удобно устроено.

Лида убрала сапожок обратно в ткань.

— Удобство здесь ни при чём. Я уже ошиблась четыре раза за один день. Пятой ошибки не будет.

— Значит, футляр останется у меня?

— Какой футляр?

Кира поняла, что сказала лишнее. Она отвернулась к окну. По стеклу тянулась тонкая трещина, заклеенная прозрачной полосой. Девочка ногтем подцепила край старой наклейки на подоконнике, но Лида сказала:

— Не снимайте. Если начали разговор, закончите его.

— Вы вчера отдали мне чёрный футляр. Сказали, что он наш. Я подумала, там папка с нотами Маши. У нас такая же фамилия на квитанции, я не проверила.

— Футляр от скрипки?

— Похож. Только внутри ничего нет.

— Почему вы не вернули его сразу?

Кира сняла капюшон. Под ним волосы оказались мокрыми на висках, словно она шла быстро или долго стояла под дождём.

— На нём была наклейка нашей музыкальной школы. Старая, синяя. Я училась там до весны.

— Это не делает футляр вашим.

— Знаю.

— Тогда где он?

— Я спрятала.

— От отца?

— От всех.

Лида достала журнал ошибочных выдач и открыла чистую строку.

— Опишите футляр.

Кира помолчала, но села на табурет. Чёрный, скрипичный, потёртый у ручки. Два металлических замка, один закрывается только если прижать крышку. Внутри бордовый бархат, четыре светлых следа от мостика, подбородника и отделений. Карман для нот пуст. На крышке недавно была снята синяя овальная наклейка, под ней остался светлый клей.

— Вы сняли наклейку?

— Нет. Она уже была снята. Остался край, как после пластыря.

— Недавно — это как вы определили?

— Вокруг пыль, а там чисто. И клей липкий.

Лида записала каждую деталь.

— Что ещё?

— Под подкладкой что-то шуршит.

Ручка остановилась.

— Вы вскрывали подкладку?

— Нет. Там шов разошёлся возле головки. Я засунула палец и нащупала бумагу.

— Достали?

— Не смогла.

— Поэтому спрятали?

— Поэтому тоже.

Лида закрыла журнал.

— Сейчас вы принесёте футляр.

— Нет.

— Тогда я позвоню вашему отцу до его прихода.

— И он заберёт его, не дав посмотреть, что внутри.

— Это чужая вещь. Вы не имеете права смотреть, что внутри.

— А он имеет?

— Если докажет, что владелец или его представитель, — да.

Кира улыбнулась одним углом рта.

— Вы с ним ещё мало знакомы. Он докажет всё, что ему нужно.

Чайник щёлкнул. Лида налила кипятка в две кружки, но чай положила только в свою. Кире поставила воду.

— Я не веду расследование против вашего отца.

— А я веду.

— Тогда тем более не втягивайте в него чужую вещь.

Кира взяла кружку обеими ладонями.

— Весной я перестала ходить в музыкалку. Не потому что надоело. Папа сказал, здание закроют на ремонт, классы распределят по школам, а оркестр всё равно распадётся. Он показал письмо от директора. Через неделю директор сказала, что никакого решения нет. Ещё через месяц решение появилось. С теми же словами.

— Это может быть совпадением.

— Папа не любит совпадения. Он любит расписания.

— А футляр?

— В нашей школе инструменты выдавали детям, у кого своих нет. На футлярах были синие наклейки. Если такую сняли недавно, значит, инструмент или вернули, или куда-то дели. А школа ещё работает.

— Пустой футляр не доказывает, что инструмент пропал.

— Зато доказывает, что он где-то был.

Лида вспомнила, как ночью написала напротив сапожка: «связь с фото Громовых не установлена». Только то, что можно доказать. Кира пользовалась тем же правилом, но двигалась в противоположную сторону: от вещи к обвинению.

— Где вы его спрятали?

— В школе.

— Вы только что сказали, что ушли оттуда весной.

— У меня остался ключ от бокового входа. Сегодня репетиция младших. Я могу войти вместе с ними.

Лида медленно поставила кружку.

— Вы вынесли чужую вещь из мастерской, затем занесли её в школу, к которой она, возможно, относится?

— Вчера вечером. Там безопаснее, чем дома.

— Нет. Там хуже. Теперь никто не сможет подтвердить, где футляр был найден и кто к нему прикасался.

— Вы сможете. Вы мне его отдали.

— Я подтвержу свою ошибку. Не вашу версию.

Кира сжала губы. За окном проехала первая маршрутка, осветив потолок двумя бледными полосами.

— Хорошо, — сказала она. — Я принесу. Но вы откроете подкладку при мне.

— Я осмотрю вещь и зафиксирую состояние. Без повреждений. Если понадобится вскрытие, сначала найдём владельца и получим согласие.

— Значит, бумагу оставим там.

— Если она там есть.

— Вы всегда так разговариваете?

— Со вчерашнего дня — стараюсь.

Кира поставила воду, к которой не притронулась.

— До школы двенадцать минут.

— В восемь двадцать сюда придёт Соня. В восемь тридцать — человек за часами.

— Тогда идём сейчас.

Лида посмотрела на закрытый пакет с сапожком, на чемодан под вешалкой и на дверь во двор. Накануне она собиралась передать ключи агенту. Теперь шестнадцатилетняя девочка предлагала оставить мастерскую ради вещи, которую сама же унесла.

— Вы принесёте футляр сюда, — сказала Лида. — Я останусь.

— Я не понесу его по улице одна. Если папа увидит...

— Он будет здесь в девять.

— Он приезжает раньше. Всегда.

Лида достала телефон. На экране было 7:42. Сообщений от Серова не появилось.

— Тогда позвоните Соне и попросите прийти в школу, — сказала Кира. — Вы ей доверяете.

— Я познакомилась с ней вчера.

— Но показали ей сообщение папе перед отправкой.

Лида не спросила, откуда Кира знает. Вероятно, Артём пересказал дочери ответ и упомянул Соню; вероятно, Кира видела экран его телефона. Любой вариант был неприятным.

— Соня придёт сюда, потому что у неё назначена встреча.

— А вы не уйдёте, потому что боитесь пропустить курьера. Часы важнее футляра?

— Нет. Обязательство перед человеком важнее вашего желания ускорить дело.

Кира поднялась.

— Тогда я верну его после девяти.

— Нет. Сядьте.

— Вы не можете меня удерживать.

— Не могу. Но могу прямо сейчас написать вашему отцу, что футляр, ошибочно выданный вам вчера, находится в музыкальной школе. И могу позвонить директору школы, чтобы его никто не трогал до передачи.

Кира побледнела.

— Не директору.

— Почему?

— Потому что письмо папе отправила она.

— Вы сказали, письма не было.

— Решения не было. Письмо было. Она написала его заранее, а потом сказала нам, что ничего не решено.

Лида поняла, что спорит не с ребёнком, пойманным на краже. Перед ней сидел человек, которому взрослые несколько раз показали разные версии одного события и потребовали считать каждую окончательной.

— Кому в школе вы доверяете?

— Елене Павловне. Она ведёт младший оркестр. Футляр у неё в подсобке, но она не знает, что он там.

— Значит, не доверяете. Просто пользуетесь её помещением.

Кира опустила глаза.

— Да.

Это «да» стоило больше всех предыдущих объяснений.

Лида открыла журнал и записала: `7:47. Кира Серова сообщила, что ошибочно выданный футляр перенесён ею в подсобное помещение музыкальной школы. Местонахождение требует подтверждения. Уведомление владельцу и школе не направлено до безопасного возврата вещи`. Последнюю фразу она перечеркнула. Рядом написала: `Решение отложено до 8:05, чтобы обеспечить возврат без доступа посторонних`. Поставила подпись и подвинула журнал Кире.

— Прочитайте. Если верно — распишитесь как сообщившая.

— Зачем время до восьми пяти?

— Вы идёте за футляром. Я звоню Соне и прошу прийти на пятнадцать минут раньше. Если в восемь пять вас нет, сообщаю вашему отцу и школе. Если возвращаетесь, мы фиксируем вещь и всё равно уведомляем отца о том, что вы получили её по ошибке. Но сначала футляр будет здесь.

— Он заберёт.

— Возможно. Право владельца важнее наших подозрений.

— А бумага?

— Останется внутри, пока не установим владельца.

— Папа уничтожит её.

— Вы не знаете, что это за бумага и существует ли она.

— А если знаю?

Лида ждала.

Кира сняла с шеи наушник. Под силиконовым чехлом телефона была сложена фотография — не бумажная, а распечатанная на обычном принтере. На ней виднелся край бордовой подкладки и белая полоска, высунувшаяся из разошедшегося шва. Разобрать текст было невозможно, кроме печатного фрагмента: `...струмент № 14...`.

— Я не доставала, — быстро сказала Кира. — Только посветила и сфотографировала.

— Отправляли кому-нибудь?

— Себе в облако.

— Ещё кому-нибудь?

— Нет.

— Покажите исходный снимок с датой.

Кира показала. Вчера, 19:18. Геолокация была отключена.

Лида переписала время в журнал, но телефон не взяла.

— Сохраните оригинал. Не обрезайте, не подписывайте и не рассылайте. Это не доказательство кражи, только снимок предмета внутри футляра.

— Вы мне верите?

— Я верю, что вы сделали фотографию. Остальное проверим.

Кира подписала запись. Её подпись оказалась крупной и круглой, совсем не похожей на острые инициалы на карточке сапожка.

— Восемнадцать минут, — сказала Лида. — Идите.

Когда дверь закрылась, она позвонила Соне.

— Я уже на углу, — ответила та вместо приветствия. — Макс написал, что задержится на десять минут. Что случилось?

— Кира Серова забрала вчера пустой скрипичный футляр. Сейчас несёт его обратно.

— Пустой?

— Возможно, под подкладкой документ.

— Артём знает?

— Пока нет. Через семнадцать минут узнает в любом случае.

Соня замолчала.

— Я зайду через пять.

Лида положила телефон и впервые за утро подумала о цене своего решения. Если Кира не вернётся, мастерская станет последним местом, где чужую вещь видели законно. Если вернётся, Лида окажется между отцом, дочерью и документом, которого не должна читать. В обоих случаях простого обмена сапожка на футляр уже не получалось.

В семь пятьдесят девять во дворе хлопнула калитка. Лида открыла дверь. Кира стояла без футляра.

— Его нет, — сказала она.

— Где нет?

— В подсобке. Дверь была открыта, футляра нет.

— Кто мог войти?

— Елена Павловна, уборщица, директор. Кто угодно с ключом.

— Вы уверены, что оставили его там?

— За шкафом с пюпитрами. Я сфотографировала.

На новом снимке был чёрный футляр, зажатый между стеной и деревянным шкафом. Метаданные показывали вчерашний вечер. Лида попросила показать весь ряд фотографий. Между снимком подкладки и снимком подсобки находилось видео длиной четыре секунды. Кира попыталась пролистнуть его, но Лида остановила.

— Что там?

— Ничего.

— Тогда покажите.

На видео Кира ставила футляр за шкаф. В коридоре за дверью прозвучал мужской голос: «К девяти заберу всё сам». Второй голос, женский, ответил: «Только ведомость подпиши». Лиц не было видно.

— Это голос вашего отца?

— Да.

— А женщина?

— Директор.

Лида посмотрела на время: запись сделана в 19:24. Артём мог говорить о чём угодно — мебели, документах, инструментах к репетиции. Но утром он обещал забрать сапожок в девять и велел ничего не отдавать Кире. Его расписание внезапно связало две вещи, которые Лида старалась держать отдельно.

В дверь вошла Соня, сняла мокрый платок и, увидев Киру, остановилась.

— Мы знакомы? — спросила она.

— Вы в прошлом году заменяли нашу учительницу по литературе, — ответила Кира.

— На три урока. Ты сидела у окна и исправляла даты в учебнике.

— Там были неправильные.

— Помню.

Лида показала Соне запись в журнале, не отдавая телефон Киры. Соня прочла, затем попросила девочку самой пересказать, что произошло. Кира повторила без украшений: получила футляр, увидела след наклейки, отнесла в школу, спрятала, утром вернулась — футляра нет.

— Ты вошла законно? — спросила Соня.

— Ключ мне выдали, когда я училась. Его не потребовали вернуть.

— Это не ответ.

— Нет. Наверное, незаконно.

Соня вздохнула.

— Наконец точная формулировка.

Она повернулась к Лиде.

— Артёму нужно сообщить сейчас.

— Он заберёт телефон, — сказала Кира.

— Возможно. Он твой отец и несёт за тебя ответственность. Но он не получает права удалить снимки или заставить тебя отказаться от правды. Сделай резервную копию при нас и отправь себе на почту.

— Уже в облаке.

— Облако тоже бывает семейным.

Кира быстро посмотрела на экран. Судя по лицу, об этом она не подумала.

Соня дала ей лист бумаги.

— Запиши по памяти всё, что видела и слышала, время, место, кто мог присутствовать. Без выводов. Потом сфотографируй лист и отдай Лиде копию. Это не превращает тебя в следователя. Это сохраняет твоё собственное воспоминание до разговора со взрослыми.

Кира начала писать.

В восемь двенадцать Лида отправила Артёму сообщение: «Вчера вашей дочери по ошибке был выдан чужой пустой футляр. Кира сообщила, что перенесла его в музыкальную школу и сегодня не обнаружила на оставленном месте. Прошу не предпринимать действий по возврату без фиксации обстоятельств и участия представителя школы. Сапожок Маши находится в мастерской и не будет выдан до проверки документов».

Ответ пришёл через минуту: «Я еду. Никуда её не отпускайте».

Лида показала экран Кире.

— Я не могу вас удерживать. Но прошу остаться до его приезда.

— А если уйду?

— Я запишу, что вы ушли.

Кира дописала последнюю строку и осталась.

В восемь тридцать четыре во двор вбежал Макс. Он был без шапки, с мокрыми волосами и коробкой из-под торта в руках.

— Часы у меня, — сказал он с порога. — И я ничего не сломал.

Он увидел Киру и осёкся.

— Я не вовремя?

— Вовремя, — ответила Лида. — Положите коробку на верстак и не открывайте, пока не сверим запись.

Макс подчинился. Даже не спросил, почему Соня стоит рядом с девочкой, которая переписывает показания собственной рукой. После вчерашнего он, кажется, решил, что в мастерской любое молчание имеет квитанцию.

Лида записала время возврата часов, состояние коробки и имя Макса. Только когда он поставил подпись, она подняла крышку. Карманные часы лежали на сложенном кухонном полотенце. Стекло цело, крышка закрыта, цепочка свернута отдельно.

— Они шли всю ночь, — сказал Макс. — Я положил в шкаф, но слышал даже через дверь.

— Это механические часы. Они должны идти.

— Я знаю. Просто раньше у нас дома ничего так громко не считало время.

Соня подошла ближе, но не коснулась часов.

— Мои, — сказала она. — Царапина под заводной головкой моя. И дата внутри та же.

— Забираете?

Соня посмотрела на Макса.

— Ты нашёл что-нибудь про человека на фотографии?

— Пока нет. Но договорился встретиться с маминной сестрой вечером.

— Тогда часы остаются здесь до вечера. По моей просьбе, не по вашей ошибке.

Лида записала именно так. Соня расписалась. Макс с облегчением выдохнул, словно возврат вещи не закрыл историю, а дал ему законную отсрочку.

— Теперь футляр, — сказала Лида. — Макс, вчера вы должны были получить его. Вам знакома музыкальная школа?

— Я там развожу обеды по четвергам. А что?

Кира перестала писать.

— Вчера были?

— После шести. Забирал пустые термоконтейнеры.

— Видели чёрный футляр?

Макс наморщил лоб.

— У служебного выхода стояли три. Их грузили в серый фургон вместе с пюпитрами. Я ещё помог дверь подержать.

— Кто грузил?

— Мужчина из охраны и женщина с короткими волосами. Наверное, директор. Потом приехал чёрный внедорожник.

— Папин, — тихо сказала Кира.

— Номер запомнили? — спросила Лида.

— Внедорожника — нет. Фургон есть в приложении регистратора. Велосипедный регистратор пишет, пока я на смене.

Лида почувствовала, как все в комнате одновременно захотели посмотреть запись.

— Сначала сохраните оригинал, — сказала она. — Потом покажете только участок у школы. Не отправляйте никому без необходимости.

Макс достал телефон. Запись была зернистой, камера дрожала на руле. В 19:31 он подъехал к служебному входу. У стены действительно стояли три футляра, два коричневых и один чёрный. Светлого овала на чёрной крышке издали не было видно. Макс придержал дверь, в кадр вошла женщина, затем мужчина в рабочей куртке. Они загрузили футляры в серый фургон с эмблемой городского центра хранения имущества.

Чёрный внедорожник появился через две минуты. Из него вышел Артём Серов.

Он не касался футляров. Подошёл к женщине, передал папку, получил лист и подписал его на капоте. Видео не показывало, что было в листе и о чём они говорили. Затем фургон уехал, а Артём вошёл в школу.

— Он вывез инструменты, — сказала Кира.

— На записи этого нет, — возразила Лида. — На записи городской фургон забирает три закрытых футляра, ваш отец подписывает неизвестный документ.

— Вы опять защищаете его.

— Я защищаю разницу между тем, что видно, и тем, что вы думаете.

— А если в футлярах были скрипки?

— Тогда это установят по ведомости.

— Той, которую он подписал?

— Возможно.

Во дворе остановилась машина.

Кира узнала звук раньше остальных и встала. Макс выключил видео. Соня положила ладонь на журнал, не закрывая страницу.

Артём вошёл без стука. На нём было серое пальто, слишком сухое для дождливого утра, и выражение человека, который всю дорогу готовил короткий разговор.

— Кира, в машину.

— Сначала сапог Маши, — сказала она.

— Я заберу.

— Он не будет выдан без проверки, — ответила Лида.

Артём перевёл взгляд на неё.

— Я прислал подтверждение заказа.

— Квитанция у Киры, сапожок совпадает с описанием. Но на карточке стоит помета «К. С. — только лично», а заказ оформлен на вас. Мне нужно понять, кому Вера собиралась выдать вещь.

— Вера умерла. Я отец Маши и оплатил ремонт.

— Поэтому сапожок, вероятно, будет выдан вам. После копии документа и подписи о получении одного сапожка вместо пары.

— Одного?

Впервые его уверенность дала трещину.

— В мастерской только левый. Где правый, я пока не знаю.

Артём посмотрел на Киру.

— Ты забрала?

— Нет.

— Тогда кто?

— Это вопрос не к ней, — сказала Соня.

Артём заметил часы на верстаке, Макса у двери и исписанный Кирой лист.

— Что здесь происходит?

Лида открыла журнал.

— Исправление ошибочной выдачи. Вчера Кира получила чужой футляр и перенесла его в школу. Утром футляра на месте не оказалось. Есть запись, на которой три футляра вывозят городским фургоном. Вы присутствовали при погрузке и подписали документ. Нам нужно установить, был ли среди них футляр из мастерской, и связаться с владельцем.

Артём не спросил, откуда запись. Он спросил:

— Кто ещё её видел?

Кира тихо втянула воздух.

— Мы четверо, — ответила Лида. — Запись принадлежит Максиму. Она не публиковалась.

— И не будет. Передайте мне файл.

— Нет, — сказал Макс.

Слово вышло негромким, но Артём повернулся к нему так резко, будто курьер хлопнул дверью.

— Молодой человек, вы не понимаете, во что вмешались.

— Понимаю. Я держал дверь.

Лида встала между ними не телом, а журналом: положила его на край верстака и указала на чистую строку.

— Назовите документ, который вы подписали у школы.

— Акт передачи имущества на временное хранение. Здание готовят к обследованию.

Инструменты и мебель вывезли, чтобы освободить аварийное крыло.

— В футлярах были инструменты?

— В двух — да. Один был пустой и списанный.

— Чёрный?

Артём посмотрел на Киру.

— Вероятно.

— Куда отвезли?

— На склад центра хранения.

— Почему вы сказали директору, что к девяти заберёте всё сами?

— Я сказал, что к девяти заберу акты. Кира опять подслушала половину разговора.

— На записи фраза другая, — сказала Кира.

— На четырёх секундах записи нет контекста.

— Это правда, — сказала Лида. — Поэтому нужен акт.

— Он служебный.

— Тогда запрос владельца футляра должен идти через школу и центр хранения. Назовите директора и контакт ответственного склада.

Артём помолчал. За дверью вода падала с карниза в железное ведро, и каждый удар отделил одну секунду от другой.

— Я дам контакты, — сказал он. — После того как Кира сядет в машину.

— Я останусь до конца разговора, — ответила Кира.

— Нет.

— В футляре была ведомость на инструмент номер четырнадцать.

Артём повернулся к дочери.

— Ты вскрыла футляр?

— Нет. Сфотографировала через шов.

— Покажи телефон.

Кира спрятала его в карман.

— Сначала скажи, где скрипка.

— Какая скрипка?

— Номер четырнадцать.

Артём закрыл глаза на мгновение. Когда открыл, в нём было не раздражение, а усталость.

— Скрипка номер четырнадцать у Маши.

Никто не ответил.

— Ей выдали инструмент два года назад, — продолжил он. — После операции она занималась дома. Весной перестала. Я должен был вернуть скрипку школе, но Маша просила оставить до осени. Вчера футляр забрали на склад пустым, потому что скрипка дома.

— Почему сняли наклейку? — спросила Кира.

— Чтобы на складе футляр не приняли как комплектный инструмент. Директор должна была вложить акт о временной выдаче, но, видимо, засунула его под подкладку. Или твоя фотография показывает другой документ.

— Почему ты мне не сказал?

— Потому что Маша не хотела. Она боится, что ты заставишь её снова заниматься.

Кира отшатнулась так, будто обвинение было физическим.

— Я бы не заставила.

— Ты каждый вечер ставила ей записи оркестра.

— Потому что она скучала.

— Она плакала после них.

— Она плакала, потому что ты закрыл школу.

— Школу не закрыли. Аварийное крыло освобождают на обследование. Занятия переносят.

— Ты сказал, оркестр распадётся.

— Я сказал, что он может распасться.

Соня тихо произнесла:

— Вот так обычно и ломается доверие: не одной большой ложью, а словами, которые каждый раз можно объяснить точнее.

Артём посмотрел на неё, но спорить не стал.

Лида вернулась к единственному вопросу, который могла решить.

— Футляр принадлежит школе?

— Да.

— Тогда я сообщу директору об ошибочной выдаче и попрошу подтвердить получение на склад. Если футляр там, школа решит, возвращать ли его сюда для осмотра. Если нет — подадим заявление об утрате.

— Я сам позвоню.

— Позвоните. Я тоже зафиксирую обращение.

— Вы превращаете бытовую путаницу в дело.

— Она стала делом, когда чужую вещь вынесли из мастерской, спрятали и перевезли третьей стороной. Я отвечаю за первый шаг. За остальные — каждый сам.

Артём достал визитку, написал на обороте два номера и положил рядом с журналом.

— Директор — Ирина Борисовна. Склад — городской центр, Антон Левин. Назовёте номер акта семьдесят три.

Лида переписала данные и вернула визитку.

— Теперь сапожок.

Артём предъявил паспорт, фотографию пары до ремонта и банковский перевод Вере с назначением платежа. Лида сделала копию только страницы с необходимыми данными, закрыв остальное листом. Затем положила пакет перед ним.

— Подтвердите состояние. Один левый сапожок, красная кожа, размер двадцать восемь, заменены два крючка. Правый отсутствует. Претензии по качеству ремонта?

Артём осмотрел сапожок.

— Нет.

— Получатель?

Он взял ручку, но Кира сказала:

— Маша.

— В документах нужна подпись взрослого.

— Я не про подпись. Отдай его Маше сам. Не положи в багажник и не забудь.

Артём посмотрел на маленький сапог в своих ладонях. Потом подписал: `Получил для Марии Серовой`. Лида попросила добавить: `Один предмет из пары`. Он добавил.

— А помета «К. С. — только лично»? — спросила Кира.

Лида положила рядом отдельную карточку Веры.

— Она относилась не к владельцу сапожка, а к адресату второго учёта. Это разные права. Вещь принадлежит Маше. Объяснение, которое Вера хотела дать вам, принадлежит только вам, если мы его найдём.

— И ты не покажешь папе?

— Не покажу без вашего согласия, если там нет угрозы чьей-либо безопасности и если закон не требует обратного.

— Она несовершеннолетняя, — сказал Артём.

— Поэтому я не обещаю абсолютной тайны. Но и не передам вам личную записку автоматически.

Кира впервые за утро улыбнулась по-настоящему.

Артём убрал сапожок в пакет.

— В машину, — сказал он дочери, уже мягче.

— Я поеду. Но сначала отправлю Лиде копию своей записки.

Он хотел возразить, посмотрел на Соню, на Макса и на открытый журнал, затем кивнул. Кира сфотографировала лист, переслала снимок на адрес мастерской и отдала оригинал отцу.

— Это мой лист, — сказала она. — Не выбрасывай.

— Не выброшу.

— И скрипку не возвращай без Маши.

— Обсудим дома.

— С Машей.

— С Машей.

Они ушли вместе, но не рядом: Кира на два шага впереди, Артём с пакетом у груди. У калитки он догнал её и раскрыл зонт над обоими. Кира не отодвинулась.

Макс проводил их взглядом.

— Я могу удалить запись, если всё объяснилось.

— Не удаляйте, — сказала Лида. — Сохраните до подтверждения склада. Но не публикуйте и не используйте для давления.

— А потом?

— Потом решит тот, кому она принадлежит. То есть вы.

Он кивнул. Лида вернула ему часы только после того, как Соня ещё раз подтвердила добровольную передачу на вечер. Макс ушёл с коробкой, которую нёс осторожнее, чем вчера.

В девять сорок Лида дозвонилась до Ирины Борисовны. Директор подтвердила: акт №73 существовал, три футляра передали в городской центр, чёрный числился пустым. Когда Лида назвала признаки, женщина замолчала, потом призналась, что карточку временной выдачи скрипки номер четырнадцать действительно положила под отставшую подкладку, чтобы она не потерялась.

— Это плохой способ хранения документа, — сказала Лида.

— Знаю. Вчера всё делалось одновременно.

— Именно поэтому нужен хороший способ.

Директор пообещала отправить копию акта и запросить на складе фотографию футляра. Через двадцать минут пришли оба файла. На снимке со склада чёрный футляр лежал на стеллаже с биркой `Акт 73, позиция 19, пустой`. Светлый овал от снятой наклейки совпадал. Оба замка были опечатаны бумажной лентой центра.

Лида распечатала подтверждение и подшила к карточке ошибочной выдачи. В журнале написала: `Футляр установлен. Собственник — музыкальная школа. Передан на временное хранение по акту №73. Возврат в мастерскую не требуется; претензий по состоянию школа не заявила`. Ни слова о том, что Кира оказалась права бояться. Ни слова о том, что Артём оказался прав насчёт скрипки. Только действия и подтверждения.

Соня всё это время сидела у окна и проверяла ученические тетради. Когда Лида закончила, она закрыла красную ручку.

— Ты вернула сапожок, нашла футляр и никого не спасла против воли, — сказала она. — Неплохое утро.

— Кира вынесла чужую вещь. Артём говорил ей половинами фраз. Директор спрятала документ под подкладку. Я отдала футляр не тому человеку. Это называется «неплохое»?

— Иногда неплохое — это когда после четырёх ошибок не делают пятую.

Лида посмотрела на пустое место, где стоял пакет с сапожком. На верстаке осталась карточка `К. С. — только лично`. Право Киры на объяснение было ясным, но объяснения пока не существовало.

Она перевернула карточку. Внизу, под строкой, которую вчера приняли за черту, проступали продавленные буквы. Лида подложила лист сбоку и направила лампу почти параллельно бумаге. Читать чужую запись по вмятинам было бы тем же нарушением, против которого она только что выступала. Она остановилась на первом различимом слове и накрыла карточку чистым конвертом.

— Что там? — спросила Соня.

— Не знаю.

— Уже лучше, чем вчера.

Лида подписала конверт: `Кире Серовой. Передать лично после подтверждения содержания и права адресата`. Потом убрала его в металлический шкаф.

Латунный ключ всё ещё лежал рядом. Серый войлок у кольца был такого же цвета, как обивка внутри шкафа, но замок не подошёл. Лида провела пальцем по кромке и заметила в нижней стенке круглое отверстие, слишком маленькое для обычного ключа. Рядом темнела парапина — свежая, как на бородке ключа.

Она опустила на колени. Отверстие оказалось не замком, а винтом с полый головкой. Латунный ключ входил в неё обратным концом, кольцом вперёд. Лида повернула. Внутри шкафа щёлкнула пружина, и задняя стенка отступила на толщину пальца.

Соня встала.

— Открывать будем?

Лида вспомнила пустой футляр, в котором всё-таки лежал документ; красный сапожок, который принадлежал одному ребёнку, а обещание — другому; часы, ушедшие к Максиму и вернувшиеся по его воле.

— Сначала запишем, как нашли, — сказала она.

Она поставила время, описала ключ, отверстие и положение скрытой панели. Соня расписалась свидетелем. Только после этого Лида потянула стенку на себя.

За ней лежала узкая стопка карточек, перевязанная серой лентой, и конверт с её собственным именем.

Глава 5. Срок выселения

Конверт был заклеен не клеем, а узкой полоской синей бумаги. Вера пользовалась такими полосками для пробных выкрасок: ставила дату, номер состава и прикрепляла к банке, чтобы через неделю проверить, не ушёл ли цвет. На этой полоске не было ни даты, ни номера. Только матовый ультрамарин, потемневший по краям от пальцев.

Лида положила конверт на верстак и не притронулась к нему.

Соня стояла у открытого шкафа. За снятой задней стенкой виднелась неглубокая ниша, выкрашенная той же серой эмалью, что и металл. Семнадцать карточек лежали ровной стопкой под лентой. На верхней проступал дробный номер, но имя закрывал узел.

— Ты ведь откроешь? — спросила Соня.

— Сначала опишу находку.

— Ты уже описала.

— Тогда сначала закрою шкаф.

Лида вернула панель на место, не защёлкивая, и заперла внешнюю дверцу обычным ключом. Латунный ключ завернула в чистую тряпку и убрала в ящик стола. Конверт остался снаружи. Прятать письмо с собственным именем от самой себя было бы слишком похоже на Веру.

Она провела ногтем по синей полоске.

В дверь постучали три раза — не посетительски, а так, будто заранее знали, что заперто.

На пороге стоял Артём Серов. Сапожка при нём уже не было. Вместо пакета он держал прозрачную папку с бумагами, и оттого казался не отцом, которого только что вынудили объясняться с дочерью, а человеком, вернувшимся выполнить пункт рабочего списка.

— Кира дома, — сказал он прежде, чем Лида успела спросить. — С Машей. Сапог отдал лично.

— Хорошо.

— Можно войти?

Лида отступила. Соня не собрала тетради и не сделала вид, что торопится. Артём заметил её, коротко поздоровался и положил папку на свободный край верстака.

— Я принёс уведомление. Хотел вручить вчера, но решил не смешивать это с похоронами.

— А сегодня с чужим сапогом смешивать можно?

— Сегодня я пришёл за сапогом как отец, а вернулся как представитель покупателя. Эти роли вам не нравятся одинаково, но документы от этого не исчезнут.

Он говорил без нажима, и именно это раздражало сильнее заготовленной угрозы. Лида вытерла ладони о фартук, хотя они были чистыми, вынула лист из папки и прочитала заголовок.

«Уведомление о прекращении допуска в помещение в связи с подготовкой аварийного здания к расселению и передаче строительной площадки».

Ниже стояли кадастровый номер, адрес, дата заключения межведомственной комиссии и ссылка на соглашение, которое Вера подписала пять месяцев назад. Лида нашла материнскую фамилию дважды: в строке собственника доли и в приложении о добровольном освобождении помещения. Срок — шесть недель. Последний день приходился на девятое октября.

— Слишком быстро, — сказала она.

— Соглашение подписано весной. Шесть недель отсчитываются не с решения об аварийности, а с уведомления о закрытии сделки. Этот срок там указан.

— Я не видела соглашения.

— Вы не были стороной.

— Я наследница.

— Поэтому получаете уведомление и копию. До оформления наследства деньги останутся на защищённом счёте. Нотариус подтвердит порядок. Если захотите оспаривать — это ваше право.

Лида перелистнула приложение. Копия была хорошей: подпись Веры видна до мелкой петли в букве `р`. Свою фамилию мать писала широко, будто ей заранее не хватало строки. Рядом стояла дата, когда Вера по телефону сказала, что просто ходила в поликлинику.

— Кто признал дом аварийным?

Артём назвал комиссию и протянул ещё один лист.

— Заключение обследования. Полная версия на сто восемьдесят страниц, могу прислать. Здесь выводы: просадка угловой стены, коррозия связей, замачивание фундамента. Вчерашняя протечка не причина, а один из симптомов.

— И вы случайно оказались покупателем всего квартала.

— Не случайно. Мы вошли в проект после первых обследований. Людям нужны деньги на переезд, городу — тот, кто возьмёт на себя демонтаж. Я на этом заработаю. Это не делает трещины нарисованными.

Соня поднялась из-за стола.

— В школе тоже аварийное крыло. Вы всё в городе успеваете купить?

— Школу я не покупаю. Подрядчик по обследованию тот же, потому что у города рамочный договор.

— Удобно.

— Удобство не доказательство сговора.

— А неудобство людей почему-то всегда доказательство необходимости.

Лида положила листы на стол.

— Соня, подожди.

Та сжала губы, но села. Артём не выглядел победителем. Он придвинул папку ближе к Лиде и раскрыл на последней странице соглашения.

— Здесь перечень того, что входит в выплату. Доля в здании, право пользования двором, компенсация за досрочное освобождение. Оборудование и вещи не входят. Их нужно вывезти.

— За шесть недель.

— Да.

— Здесь работы на полгода.

— Если разбирать каждую банку и каждую доску — возможно. Если нанять перевозчиков и склад — три дня.

Лида посмотрела на стеллажи. В верхнем ряду лежали заготовки, которые Вера называла короткими именами: ясень, груша, красное. В нижнем — коробки с петлями, замками и ручками, рассортированными не по материалу, а по тому, что они должны были пережить: сундук, окно, детская, улица. Ни один перевозчик не поймёт этой системы. Лида и сама понимала её лишь наполовину.

— Я предлагаю отдельную выплату, — продолжил Артём. — За освобождение мастерской в течение десяти дней. Сумма здесь.

Он вынул страницу с цифрой. Лида сначала решила, что ошиблась разрядом, и перечитала. Денег хватило бы оплатить переезд, снять жильё в Казани на год и не соглашаться на первую попавшуюся работу. Внизу мелко было напечатано, что получатель отказывается от требований, связанных с сохранением хозяйственных построек, внутренней отделки и неотделимых улучшений.

— Вы покупаете не скорость, — сказала она. — Вы покупаете моё молчание о том, что здесь останется.

— Я покупаю определённую. Если вы оставите печь, вытяжку и встроенные шкафы, потом не сможете заявить, что мы уничтожили ценное имущество. Всё, что можете унести, уносите. Всё, что нельзя унести без повреждения здания, перечисляем сейчас.

— А скрытая ниша считается улучшением?

Соня посмотрела на Лиду. Артём — на металлический шкаф.

— Если шкаф движимый, забирайте целиком.

— Даже если он был частью мастерской до оформления документов?

— Тем более. Мне не нужен ваш шкаф.

Ответ оказался настолько будничным, что подозрение не успело найти опору. Артём не знал о карточках — или умел не показывать. Лида подвинула предложение обратно.

— Мне нужно проверить документы.

— Проверьте. У нотариуса, у юриста, в городской базе. Не у соседей во дворе.

— А срок предложения?

— До вечера пятницы. Потом подрядчик начнёт формировать график доступа, и десятидневное освобождение перестанет иметь для нас прежнюю ценность.

— Сегодня среда.

— Да.

— Очень щедро.

— Лида, я не рассчитываю, что вы мне поверите. Я рассчитываю, что вы проверите.

Он впервые назвал её по имени без отчества. Вера тоже переходила на имя, когда хотела выдать приказ за заботу.

— Вы вчера сказали Кире, что школа может потерять оркестр, — произнесла Лида. — Сегодня говорите мне, что мастерскую можно перевезти за три дня. У вас всё обратимо, пока это чужая жизнь.

Артём снял очки, протёр их краем рубашки и снова надел.

— Нет. Именно поэтому я пришёл сам. Дом не обратим. Его нельзя сделать безопасным красивой вывеской и хорошими воспоминаниями. Школу можно отремонтировать, занятия можно перенести. Оркестр может не пережить год в разных помещениях — я сказал дочери правду, хотя сказал плохо. Мастерскую можно открыть в другом месте, если вам нужна мастерская. Но вы собирались её закрыть ещё до того, как узнали о сроке.

Соня перестала листать тетрадь.

Лида почувствовала, как внутри поднимается готовый ответ, и не дала ему выйти. Артём не мог знать о вакансии в Казани от городских документов. Значит, Вера сказала. Или Кира услышала. Или сама Лида говорила об этом Нике во дворе, а в старом квартале любое намерение успевало стать общей собственностью прежде, чем человек принимал решение.

— Откуда вы знаете?

— Вера просила включить в расчёт ускоренную выплату. Сказала, что дочь не останется и ей нельзя оставлять хвосты.

На конверте синяя полоска казалась теперь не печатью, а насмешкой.

— Когда?

— В мае. При подписании.

— Она уже знала, что больна?

— Я не спрашивал о диагнозе. Она выглядела уставшей.

— И вы дали ей подписать сто восемьдесят страниц обследования?

— Ей дали соглашение на двенадцати. Был нотариус. Вера привела Нину Андреевну из соседнего дома как свидетеля. Запись встречи сохранилась. Если вы предполагаете давление, я предоставлю её вашему юристу.

Каждая его фраза закрывала удобный выход. Нельзя было объявить подпись поддельной, сделку тайной, дом крепким, а Серова — человеком, который явился за мастерской с пустыми

руками. Он принёс слишком много бумаги и не потребовал поверить ни одному слову без проверки.

Лида взяла уведомление.

— Я подпишу только получение копии, не согласие.

— Именно так и написано в строке.

Она прочла строку полностью. Потом ещё раз. Поставила дату и время, рядом приписала: `Копию получила, содержание и расчёт выплаты требуют проверки`. Артём не возразил и отдал ей второй экземпляр.

— До девятого октября доступ сохраняется? — спросила она.

— Пока помещение не будет признано требующим немедленного закрытия. Не ходите в заднюю кладовую после дождя. Там усилилась трещина.

— Вы уже были в кладовой?

— Инженер был. Вера его впустила.

— Она и это скрыла.

— Возможно, она выбирала момент сказать.

— Мёртвым очень удобно выбирать момент бесконечно.

Артём помолчал.

— Моя жена тоже так делала, — сказал он. — Оставляла разговор на день, когда будет достаточно сил у всех. Такого дня не случилось.

Он закрыл папку. Сочувствие в его голосе не просило ответа, и от этого Лиде стало не легче.

— В пятницу я позвоню, — сказал он. — Если откажетесь от отдельной выплаты, основной порядок не изменится. Если найдёте нарушение — присылайте письменно.

— А если я найду вещь, которая принадлежит вашей семье?

Он посмотрел на карточку Киры, запечатанную Лидой в чистый конверт.

— Сначала сообщите мне.

— Если владелец несовершеннолетний, я сообщу законному представителю о самой вещи. Личное объяснение передам с учётом её безопасности и права знать, что оно существует.

— Вы за одно утро придумали собственный кодекс?

— Нет. За одно утро я поняла, зачем обычные правила нужны людям, которые уверены в своих добрых намерениях.

Артём принял удар без усмешки.

— Тогда применяйте их и к Вере.

Он ушёл. Колокольчик над дверью звякнул один раз, хотя обычно дребезжал до тех пор, пока створка не встанет на место. Соня подошла к окну и дождалась, когда тёмное пальто исчезнет за калиткой.

— Я могу позвонить знакомой в юридическую консультацию, — сказала она.

— Позвони. Спроси, сможет ли она сегодня посмотреть соглашение и уведомление. Только копии, без пересылки паспортных данных.

— А ты?

Лида взяла конверт Веры.

— А я перестану выбирать удобный момент.

Синяя полоска оторвалась ровно до середины, потом повела за собой верхний слой бумаги. Лида поддела её ножом для конвертов, которым Вера разрезала старые лекала. Внутри лежал один лист, сложенный вчетверо, и маленькая фотография.

На снимке Лида стояла перед мастерской лет в девять. Она держала табурет вверх ногами, будто собиралась надеть его на голову. Вера сидела на ступеньке, смеялась и закрывала лицо ладонью. За их спинами ещё не было металлической вывески, только написанное мелом слово `РЕМОНТ`, у которого дождь смыл половину буквы `М`.

Письмо начиналось без обращения.

«Если ты это читаешь, значит, нашла не там, где я велела искать.»

Лида отложила лист.

— Даже сейчас командует? — спросила Соня.

— Даже сейчас уверена, что я всё сделаю неправильно.

— Или знает, что ты не станешь искать там, где велели.

Лида снова подняла письмо.

Почерк к концу строк становился мельче.

«В шкафу карточки не на вещи. На обещания. Не все мои и не все хорошие. Я записывала, кому должна была сказать, отдать, признать или вернуть возможность решить. Сначала думала, что так не забуду. Потом стала думать, что, если правильно расставлю людей, они скажут друг другу нужное. Это была гордыня, хотя я называла её заботой.»

Ниже шёл перечёркнутый абзац. Вера провела по нему чёрной ручкой столько раз, что бумага истончилась, но несколько слов всё равно читались: «твой отец», «подпись», «Серов».

Лида перестала дышать на середине вдоха.

— Что там?

Она передала Соне лист, не объясняя. Та прочла видимые строки и вернула.

— Не пытайся угадывать зачёркнутое.

— Она оставила его достаточно видимым.

— Это не делает догадку фактом.

Лида вспомнила собственные слова Кире и разозлилась на Соню за точность.

Письмо продолжалось:

«Я согласилась на продажу. Дом плох, Лида. Не воюй за стены ради меня. Я хотела оставить тебе деньги и чистый выход, но снова решила за тебя. Поэтому карточки не поручение. Ты никому ничего не должна. Если будешь закрывать мастерскую, верни вещи владельцам по журналу. Вторые имена можешь сжечь. Но четыре записи я испортила сама в последние дни. Там люди уже получили не своё или не получили ничего. Исправь только порядок выдачи, если успеешь. Не исправляй людей.»

Под этим Вера написала четыре основных номера: «43», «88», «116», «214». Часы, чашка, сапожки, футляр.

«Соглашение у Нины Андреевны, копия в зелёной папке под тканями. Я не сказала про него, потому что боялась, что ты останешься из упрямства. Это не оправдание.»

Последняя строка стояла отдельно.

«Тебе можно уехать не потому, что всё закончено, а потому, что это твоя жизнь.»

Подписи не было.

Соня дочитала через её плечо.

— Она не просит тебя оставаться.

— Она просит исправить четыре заказа.

— Пишет: если успеешь.

— Это Верино «если». Оно всегда означало «ты же не бросишь».

— А последнее предложение?

— Разрешение, которого я не просила.

Лида сложила письмо по прежним сгибам, но не убрала в конверт. В зачёркнутом абзаце чернила блестели иначе, чем в основном тексте. Возможно, Вера перечеркнула его позже. Возможно, в тот же день. Возможно, имя Серова относилось к Артёму, его отцу или вовсе к документу о сапожках. Любая версия обещала удобного виноватого, и ни одна пока не выдерживала записи в журнале.

Она открыла шкаф, вынула скрытую стопку и развязала серую ленту.

Карточки были тоньше заказных. На каждой стояли основной номер, дробный номер с буквой, имя и одна фраза. Некоторые фразы выглядели поручениями: `спросить, хочет ли забрать`; `признать, что склейка была до падения`; `не отдавать без разговора`. Другие — чужими обрывками: `обещал прийти после ледохода`; `не знала про больницу`; `подпись видел только один человек`.

Даты шли не по порядку. Самая ранняя была семилетней давности, самая поздняя — за день до смерти Веры.

— Она работала с этим до конца, — сказала Соня.

— Или перекладывала карточки, чтобы я так подумала.

— Зачем?

— Чтобы я осталась и расследовала её жизнь вместо своей.

Соня взяла верхнюю карточку двумя пальцами, не переворачивая.

— Ты можешь не расследовать. Но четыре вещи уже у людей.

Лида разложила карточки по номерам. Для четырёх ошибочных заказов нашлись вторые записи.

`43/с — Максим Лавров. Не подтверждать отца часами. Сначала спросить Соню о ремонте.`

`88/з — Софья Белова. Зоя должна решить сама. Не заменять разговор подарком.`

`116/д — Кира Серова. Сапоги не доказательство. Сказать про подпись только лично.`

`214/м — Соня Белова. Футляр пуст не после школы. Спросить, готова ли назвать того, кто вынес скрипку.`

Соня побледнела.

— Дай мне эту карточку.

— Она относится к твоему футляру, но это запись Веры. Я покажу полностью, не отдам единственный экземпляр до копирования.

— Я имею право знать.

— Да.

Лида развернула карточку к ней. Соня прочла дважды.

— Я не выносила скрипку.

— Тут не написано, что ты вынесла.

— Вера знала, что она исчезла не в школе.

— Похоже на то.

— И молчала семь лет.

— Дата карточки — прошлый четверг.

— Значит, молчала семь лет и записала в четверг.

Соня встала. Стул ударился о стену.

— Я заберу футляр со склада сегодня.

— Он принадлежит школе по их учёту.

— Нет. Такой футляр принадлежал моей матери. Она отнесла его Вере после того, как пропала скрипка.

— Тогда нужно доказать, что это тот же футляр, и решить вопрос со школой. Немедленный возврат не означает, что я могу отнять вещь у третьего лица по твоему слову.

— Ты только что обещала не исправлять людей. Поздравляю, продержалась минуту.

Соня схватила сумку и тетради. У двери остановилась, будто ждала, что Лида окликнет её другим голосом — не Вериним, не голосом журнала и правил. Лида не нашла такого голоса вовремя.

— Пришли контакт юриста, — сказала она.

— Конечно. Бумаги прежде людей.

— Бумаги нужны, когда люди помнят одно и то же по-разному.

— А иногда человек просто хочет, чтобы ему поверили до справки.

Дверь закрылась. Колокольчик задребезжал долго и неровно.

Лида осталась среди двух систем учёта. В основном журнале были владельцы, состояние вещей, стоимость работы. На тонких карточках — люди, которых Вера назначила адресатами объяснений. Один порядок можно было проверить квитанцией. Второй существовал потому, что мать решила: чужая боль даёт ей право выбрать время и место разговора.

На стене висел календарь. До пятницы оставалось два дня. До освобождения мастерской — шесть недель. До поезда в Казань, билет на который Лида так и не вернула, — четыре дня.

Она перевернула уведомление и на чистой стороне написала:

`Три дня.`

Ниже — четыре номера и действия.

`43 — подтвердить право Сони на часы; дать Максу выбор после разговора.`

`88 — встреча Зои и Сони; чашка возвращается по решению Зои.`

`116 — найти правый сапжок; сообщить Кире о записи без догадок о подписи.`

`214 — установить происхождение футляра и судьбу скрипки; не спорить со школьным актом без доказательств.`

Она позвонила Соне. Та сбросила. Лида не стала звонить второй раз и отправила фотографию карточки `214/м` целиком, рядом положив линейку и лист с датой съёмки. Под снимком написала: `Ты имеешь право на копию. Я не стану обращаться в школу без тебя. Когда будешь готова, начнём с того, что ты помнишь.`

Потом позвонила Макс. Он ответил на фоне ветра.

— Часы у вас?

— У меня. Я ничего не открывал.

— Сегодня в шесть принесите их. Соня должна решить, забирает ли их немедленно. Если разрешит оставить ещё на срок, это будет её решение, не моё.

— Что-то случилось?

— Нашлась запись Веры. Она предупреждает не принимать часы за доказательство связи с вашим отцом.

Долгая пауза поглотила шум улицы.

— А я и не принимаю, — сказал Макс.

— Вчера принимали.

— Вчера я хотел принять.

— Сегодня в шесть.

— Буду.

Зое Петровне Лида дозвонилась с третьего раза. Та выслушала приглашение и спросила только, будет ли Соня.

— Я не могу обещать за неё.

— Тогда не назначай за меня разговор, девочка.

— Вы можете забрать чашку без разговора.

— Могу. А хочу — ещё не знаю. Позвони после обеда.

Третьим звонком должна была стать Кира, но Лида остановилась на имени в журнале. Несовершеннолетней нельзя было устраивать тайную встречу в обход отца лишь потому, что Вера написала `только лично`. Она набрала Артёма.

— Я нашла запись, связанную с Кирой и сапжками, — сказала Лида. — Там упоминается подпись, но нет объяснения, чья и на чём. Я хочу сообщить Кире о существовании записи при вас, не передавая ей непроверенную догадку.

— Вы открыли тайник?

Значит, он заметил шкаф внимательнее, чем показал.

— Да.

— Что ещё там о моей семье?

— Пока только эта карточка. Другие записи я не буду пересказывать без основания.

— Сегодня в семь.

— В мастерской.

— У нас дома.

— В нейтральном месте. Здесь или во дворе школы, если Кира выберет школу.

Артём шумно выдохнул.

— Я спрошу её.

— И ещё. Я не принимаю решение по вашей выплате до проверки. Но мастерскую закрою.

— В десятидневный срок?

— Четыре ошибочных возврата исправлю за три дня. После этого прекращу приём заказов и начну вывоз. Точную дату освобождения сообщу письменно.

— Три дня — ваше решение или последнее поручение Веры?

Лида посмотрела на письмо.

— Моё ограничение. Вера оставила мне достаточно дел на всю жизнь. Я выбираю четыре, потому что они уже заделали живых людей.

— Тогда зафиксируйте это письмом.

— Зафиксирую.

Она положила трубку и написала уведомление о прекращении приёма заказов. Без объяснений про аварийность, тайник и семейную продажу. `Мастерская принимает заявления по ранее сданным вещам до субботы, 18:00. Новые работы не принимаются. О дате окончательного освобождения помещения будет сообщено отдельно.`

Лида распечатала два экземпляра. Один приклеила изнутри к двери, второй — к доске объявлений у калитки. Дождь кончился, и мокрый двор отражал буквы вверх ногами.

Вернувшись, она зачеркнула на календаре воскресный поезд в Казань. Не отменила — только зачеркнула карандашом. Затем достала из зелёной папки под тканями копию соглашения. Она лежала именно там, где написала Вера. На полях стояли вопросы материнским почерком, рядом — ответы юриста и номер нотариального дела. В конце Вера собственной рукой вывела: `Дом не спасать. Людей не торопить. Лиде не решать.` Последнее `не` было подчёркнуто дважды.

Лида села на пол между рулонами ткани и рассмеялась один раз — коротко, без веселья. Мать составила себе правило и нарушила его в той же строке: решила не решать за Лиду, спрятав документ так, чтобы та узнала после смерти.

Телефон завибрировал. От Сони пришло сообщение: `Юрист посмотрит в 16:30. Я тоже приду. Про футляр расскажу после проверки бумаг.`

Следом написал Артём: `Кира выбирает мастерскую. 19:00.`

Лида поднялась, вернула соглашение в папку и поставила её на открытый стол, не под ткани. Письмо Веры положила рядом, но зачёркнутый абзац накрыла фотографией девочки с перевёрнутым табуретом. Семейная тайна могла подождать доказательств. Шестинедельный срок — нет. Четыре ошибочных возврата — тоже.

На листе с номерами она дописала время встреч и провела под ними черту.

Через три дня мастерская должна была перестать быть местом, где Вера продолжала распоряжаться чужими разговорами. Потом Лида закроет дверь, разберёт полки и решит, куда ехать, не спрашивая разрешения ни у мёртвых, ни у живых.

Но сначала в шесть придут Макс с часами и Соня с правом забрать их немедленно.

Глава 6. Карточки обещаний

К четырём часам Лида перенесла вторую картотеку на большой стол и окружила её пустыми листами, как опасную жидкость ветошью. Семнадцать карточек лежали лицом вниз. Она пронумеровала места карандашом, чтобы после чтения вернуть каждую туда, где та была в стопке.

Обычный журнал оставался открытым рядом. В нём любой предмет занимал одну строку: кто принёс, что именно, в каком состоянии, какая работа сделана, сколько уплачено. Мир журнала был тесным, но честным. Если у чашки имелись две трещины, нельзя было записать одну из сострадания к хозяйке.

Вторые карточки начинались там, где честность становилась неудобной.

Лида взяла первую.

`17/в. Нина Андреевна.`

Ниже Вера написала: `Ключ не от комнаты. Сказать, что Семён просил впустить её не в дом, а в разговор.`

В основном журнале под номером семнадцать значился маленький английский ключ от дорожного сундука, сданный восемь лет назад Семёном Громовым. Работа: очистка ржавчины, изготовление кожаного шнурка. В графе выдачи стояла подпись самого Семёна. Нина Андреевна не упоминалась.

Лида перевернула карточку. На обороте — три даты. Первая совпадала с выдачей ключа, вторая была поставлена два года спустя, третья — в прошлый понедельник. Рядом с последней: `спросить снова, но не при соседях`.

Семён Громов умер три года назад.

Лида положила карточку в отдельный ряд и написала на листе: `Вещь возвращена владельцу. Обещание не создаёт права на вещь. Смысл последней записи неизвестен.`

Вторая карточка относилась к резной рамке, третья — к медному чайнику, четвёртая — к детскому стулу. Имена адресатов не совпадали с именами заказчиков ни разу. Иногда Вера записывала ясное действие: признаться, что заменила ручку без согласия; вернуть снятую петлю; сообщить о найденной фотографии. Иногда оставляла фразу, понятную только ей: `в апреле не про деньги`; `он пришёл, но увидел свет`; `не давать ей прощение от чужого имени`.

Лида завела три колонки: `проверяемое`, `мнение Веры`, `непонятно`. Уже на пятой карточке стало ясно, что средняя поглотит почти всё.

Зазвонил телефон. Юрист Сони сообщила, что задержится на десять минут. Голос был молодой, быстрый и не обещал утешения. Лида отправила ей копии соглашения и уведомления, закрыв суммы и личные данные, не нужные для первичной проверки.

Потом сняла на телефон каждую вторую карточку с обеих сторон. Снимок, номер файла, отметка в таблице. Раньше она смеялась над Верой, которая фотографировала содержимое ящиков перед перестановкой. Теперь повторяла её движения и сердилась уже не на мать, а на собственную благодарность за метод.

Соня пришла в половине пятого. Волосы успели высохнуть после дождя и лежали вокруг лица неровным тёмным облаком. Она положила на стол папку с документами, но не сняла плащ.

— Это Марина, — сказала она о женщине, вошедшей следом. — Юрист общественной приёмной. Марина, это Лида.

Марина оказалась не старше их обеих, в жёлтых кедах и с печатью организации в прозрачном пакете. Она сразу попросила показать оригиналы, паспорт Веры и документ о наследственном деле. Лида принесла только то, что имела право показывать. Марина сверила номера, сфотографировала реквизиты нотариуса и села под лампой.

— Сначала плохая новость, — сказала она через двадцать минут. — На уровне этих документов сделка выглядит настоящей. Срок уведомления соответствует соглашению. Подпись удостоверена, есть свидетель, описание выплаты понятное.

— А хорошая?

— Я не обещала хорошую. Есть вопросы. В соглашении нечётко разделены доля в доме и хозяйственная пристройка. Нужно запросить выписку и технический план. Отдельную выплату за десять дней нельзя оценивать, пока не составлена опись движимого имущества и не понятна стоимость вывоза. Отказ от требований сформулирован широко. Не подписывайте его без очной консультации.

— Дом можно спасти?

Марина посмотрела на трещину над окном.

— Я юрист, не инженер. Решение об аварийности можно оспаривать при нарушениях обследования, но у вас есть технический отчёт, который пока никто не опроверг. Если цель — выиграть время для вывоза, это один путь. Если сохранить здание любой ценой — другой, дороже и без гарантии. Какова ваша цель?

Лида открыла рот и поняла, что готового ответа нет. Утром целью было не позволить Серову решить за неё. Это не то же самое, что сохранить дом.

— Безопасно вывезти вещи и проверить, не теряю ли я то, о чём не знаю.

— Тогда не начинайте войну за отмену аварийности только потому, что вам принесли неприятную бумагу. Запросите техплан, полную запись нотариального действия и независимую оценку вывоза. Доступ фиксируйте письменно. В заднюю часть помещения не ходите без инженера.

Соня скрестила руки.

— Серов сказал почти то же самое.

— Даже заинтересованный человек иногда сообщает факты. Проверка нужна не для того, чтобы доказать его ложь, а чтобы понять, где он может ошибаться в свою пользу.

Лида увидела, как Соня покосилась на карточку футляра.

— Спасибо, — сказала Лида. — Счёт пришлите.

— Это первичный приём, он бесплатный. Если возьмём дело, подпишем соглашение. И ещё: не храните единственные экземпляры документов в помещении с протечкой.

— Сегодня увезу копии.

Марина собрала бумаги и отказалась от чая. У двери она остановилась возле объявления о прекращении приёма заказов.

— Три дня — это из уведомления?

— Нет. Мой срок.

— Тогда оставьте себе право его изменить. Собственные обещания тоже читают буквально.

Когда дверь за ней закрылась, Соня наконец сняла плащ.

— Ты расстроена, что он не подделал документы?

— Да.

Соня удивлённо подняла брови.

— Мне было бы проще ненавидеть его по делу, — объяснила Лида. — А теперь придётся разбирать, где он прав.

— Добро пожаловать в учительскую.

На столе лежала карточка `214/м`. Лида придвинула её к Соне вместе с прозрачным карманом для хранения.

— Расскажи про футляр.

Соня не села. Взяла карточку, провела большим пальцем по дате.

— Он был мамин. Не школьный — её собственный. Тёмный, почти чёрный, внутри серый войлок. На крышке когда-то была круглая наклейка областного смотра. Мама её сняла, потому что края цеплялись за одежду. Остался светлый круг.

— Такой же круг виден на фотографии Киры.

— Поэтому я и сказала, что это он.

— У сотен футляров снимали наклейки.

— У сотен. Но на мамином у нижнего замка была маленькая вмятина, как запятая. Я увидела её на снимке со склада.

Лида увеличила фотографию позиции девятнадцать. Бумажная лента опечатывала оба замка, однако под нижней полоской действительно проступала тёмная выемка.

— Это признак, не доказательство. Как футляр оказался у школы?

— После исчезновения скрипки мама отнесла его Вере. Сказала, что не может держать дома пустоту в форме инструмента. Мне было девятнадцать. Я решила, что Вера его выбросила или продала. Через год в школе появился похожий футляр для запасной скрипки. Я спросила директора, она сказала, что его подарили без документов.

— Почему ты не потребовала вернуть?

— Потому что мама уже умерла, а скрипки не было. Футляр был нужен детям. И потому что я не хотела снова доказывать, что мне больно по уважительной причине.

Она сказала это спокойно, и от спокойствия Лида впервые поняла, почему Соня так быстро замечала чужое право на вещь. Она много лет сама отказывалась от права, чтобы не выглядеть мелочной.

— Кто вынес скрипку? — спросила Лида.

— Мой отец.

— Ты видела?

— Нет. Мама сказала перед смертью. До этого утверждала, что инструмент украли из школьного класса. Отец ушёл от нас за месяц до пропажи. Она думала, что он забрал скрипку в счёт денег, которые вложил в её покупку.

— Его спрашивали?

— Он отрицал. Потом перестал отвечать. Вера обещала найти документ о покупке и выяснить, кому инструмент принадлежал по закону. Не выяснила.

Лида записала: `Слова Галины, переданные Соне. Отец отрицал. Документ о покупке не найден.`

— Можно без протокола? — спросила Соня.

— Можно. Но тогда завтра мы будем помнить разные формулировки.

— Я буду помнить, что ты мне не поверила.

Лида отложила ручку.

— Я верю, что мать сказала тебе это. Не знаю, правду ли она знала. Это разные вещи.

Соня медленно села.

— Ладно. Так честнее.

Они нашли в основном журнале футляр под номером 214. Его принесла не Галина, а Ирина Борисовна от имени музыкальной школы семь лет назад. В графе состояния Вера написала: `без инструмента, вмятина у нижнего замка, след круглой наклейки, заменить ремень`. В графе происхождения — `дар, документы отсутствуют`. Через две недели футляр выдали школе после замены ремня.

— Значит, Вера сама помогла превратить мамин футляр в школьный, — сказала Соня.

— Если это тот же футляр.

— Ты умеешь испортить любую ясность одним условием.

— Иногда условие — единственное, что отделяет ясность от удобной ошибки.

Под записью стояла поздняя приписка другим цветом: `С. Б. имеет право узнать происхождение. Не отдавать без решения школы.` Дата — прошлый четверг. Та же, что на второй карточке.

— Почему Вера вернулась к нему сейчас? — спросила Соня.

Лида разложила остальные карточки по датам обновления. Семь имели свежие отметки. Вера касалась их за две недели, девять дней, пять дней до смерти. Четыре ошибочных заказа были обновлены в последние двое суток. На карточке часов стояла дата за день до смерти Веры, 18:40. На чашке — 19:05. На сапожке — 19:20. На футляре — 19:37.

— Она сидела здесь вечером, — сказала Соня.

— В тот день мастерская была закрыта. Я приехала к ней в семь. Дверь была заперта, свет не горел.

— Может, раньше?

— Время она ставила только при фактическом действии: выдаче, звонке, осмотре.

— Ты уверена?

— Нет.

Лида открыла историю вызовов на старом кнопочном телефоне Веры, который после похорон лежал в ящике с зарядкой. В исходящих за тот вечер были четыре звонка: Зое Петровне в 18:36, неизвестному городскому номеру в 18:58, Ирине Борисовне в 19:14 и Артёму Серову в 19:31. Продолжительность — от сорока секунд до трёх минут.

— Она не была в мастерской, — сказала Лида. — Она звонила из дома и ставила время звонков на карточках.

— Значит, готовила эти четыре встречи.

— Или уточняла, кому выдавать заказы.

— И перепутала все четыре?

Вопрос лёг между ними слишком ровно.

Лида сверила номера на основных и вторых карточках. После протечки бирки размокли, и она сама восстанавливала их по положению пакетов. Но Вера в последнюю ночь связала те же четыре заказа с четырьмя другими людьми. Часы — с Максом, чашку — с Соней, сапожки — с Кирой, футляр — тоже с Соней, хотя пакет позже достался Кире. Ошибка Лиды повторила часть материнской схемы, но не всю.

— Она не могла знать, что я разложу вещи именно так, — сказала Лида.

— Не могла.

— И не могла устроить протечку после смерти.

— Не могла.

— Значит, совпадение.

Соня посмотрела на часы над дверью.

— Ты произносишь это как приговор.

— Как границу. Если я начну считать, что Вера всё рассчитала, любое моё действие станет её действием.

— А если она просто собиралась позвать нас по одному?

— Тогда почему спрятала карточки?

— Потому что знала: записи похожи на вмешательство.

— Они и есть вмешательство.

Лида подняла карточку Нины Андреевны.

— `Впустить не в дом, а в разговор`. Что это значит? Семён умер. Вера решила, что Нине нужно услышать его намерение, которого он, возможно, не выражал. Здесь она пишет Зое, что та должна решить сама, и тут же назначает Соню адресатом. Здесь велит не подтверждать Максиму отца часами, хотя никто не просил её решать, что он способен вынести. Это контроль, Соня. Красиво разложенный по конвертам.

— Да, — сказала Соня.

Лида ожидала спора и потому не сразу услышала согласие.

— Но люди иногда обещают друг другу вещи, которые не умеют выполнить, — продолжила Соня. — Кто-то должен хотя бы назвать обещание. Не исполнить за них. Назвать.

— Почему Вера?

— Потому что ей приносили сломанное и говорили больше, чем собирались.

— Это не давало ей права.

— Не давало.

Они снова замолчали. Разговор оказался хуже ссоры: ни одна не защищала Веру целиком, и поэтому обвинять было некого.

В шесть без трёх минут пришёл Макс. Он держал часы в той же коробке и теперь не положил её на верстак, а протянул Соне.

— Я принёс вернуть.

Соня взяла коробку, открыла и посмотрела на часы. Потом закрыла.

— Ты сделал фотографии механизма?

— Только снаружи.

— Почему?

— Лида сказала не открывать.

— А если я разрешу?

Макс взглянул на Лиду, будто разрешение всё ещё должно пройти через неё.

— Не на меня смотрите, — сказала она. — Часы Сони.

Соня выложила их на ладонь. Крышка была тусклой, царапины пересекали инициалы В. М., но дата внутри оставалась невидимой.

— Они принадлежали моему деду Виктору Михайловичу, — сказала она. — Потом матери. После её смерти лежали у меня. Вера забрала их полтора года назад: часы отставали и останавливались. Я не давала согласия на продажу или передачу.

— Я понимаю.

— Не уверена. Вчера ты хотел, чтобы они были связаны с твоим отцом.

— Хотел.

— Сегодня?

— Сегодня хочу узнать, почему внутри дата его исчезновения. Но это не делает часы его вещью.

Соня положила коробку на стол, не выпуская её из пальцев.

— Дату гравировали не для твоего отца. Мама отметила день, когда перестала его ждать. Макс поднял голову.

— Она знала моего отца?

— Знала весь квартал. Это пока всё, что я готова сказать.

— Тогда заберите часы.

Он отпустил коробку первым. Соня прижала её к себе, и Лида увидела, как резко опустились его плечи. Вещь ничего ему не доказала и ничего не вернула. Только отняла версию, в которой исчезновение отца имело тайного свидетеля.

— Я могу показать фотографию гравировки, — сказал Макс. — Если она вам нужна для ремонта.

— Пришли. И запись вчерашней погрузки пока сохрани.

— Хорошо.

Он уже повернулся к двери, когда Соня добавила:

— Завтра в пять приходи. Я расскажу, что знаю о твоём отце. Не потому, что часы выбрали тебя. Потому что я решила рассказать.

Макс кивнул, не улыбаясь.

Лида записала в основной журнал: `Часы возвращены собственнице Софье Беловой добровольно держателем Максимом Лавровым. Претензий к состоянию нет`. Оба расписались. Вторая карточка осталась на столе, но теперь её фраза была не поручением Веры, а уже выполненным предупреждением.

— Можно посмотреть остальные? — спросил Макс.

— Нет, — ответила Лида.

— Почему?

— Потому что чужое обещание не становится общим только из-за того, что его записали.

— А моё?

Лида показала ему карточку `43/с` целиком. Он прочёл и тихо хмыкнул.

— `Не подтверждать отца часами`. Будто она знала, что я приду.

— Она звонила кому-то за день до смерти. Возможно, вашему отцу или человеку с такой же фамилией. Номер пока не установлен.

— Дайте номер.

— Нет. Сначала выясню, кому он принадлежит законно, не через случайный поиск и не через публикацию.

— Вы всё превращаете в очередь.

— Потому что люди, которые бегут первыми, чаще наступают на чужое.

Макс хотел возразить, но Соня сказала:

— Завтра в пять.

Он ушёл.

После его ухода Лида убрала часы из списка вещей, находящихся не у владельца. Осталось три возврата, но четыре разговора. Чашка была у Зои, своей хозяйки, и всё же её решение касалось Сони. Сапожок был у Маши, но Вера оставила объяснение Кире. Футляр числился школьным, хотя Соня узнала вещь матери. Бумажный порядок восстановился быстрее человеческого.

В половине седьмого позвонила Зоя Петровна.

— Я приду завтра, — сказала она. — Но чашку принесу.

— Вы хотите вернуть её Соне?

— Я хочу поставить её на стол и услышать, чего хочет она. Вера семь лет держала чашку, будто мы обе не доросли до разговора. Хватит.

— В пять удобно?

— Удобство опять не главное. Буду.

Лида посмотрела на Соню.

— Завтра в пять здесь будут Макс и Зоя. Ты согласна?

— Макс я обещала. Зоя решила сама. Да.

— Артём с Кирой придут через полчаса. Их разговор можно перенести.

— Нет. Я останусь, если Кира захочет свидетеля.

Лида разложила четыре свежие карточки рядом. Каждая вела к одному и тому же столу. Это было именно то, что задумала Вера: собрать адресатов, поставить перед ними вещи и надеяться, что присутствие заставит произнести нужные слова. Лида чувствовала, как чужой замысел закрывается вокруг них, хотя все решения пока принимались отдельно.

Она собрала остальные тринадцать карточек в прозрачные карманы и на каждом написала: `Не является поручением. Проверить владельца и согласие адресата до любого контакта`. Затем внесла их в опись и убрала в обычную коробку для документов, не в скрытую нишу.

— Ты не сожжёшь их? — спросила Соня.

— Нет. И не стану выполнять подряд.

— Тогда что?

— Сообщу каждому названному человеку только о записи, которая касается его, если смогу сделать это без раскрытия чужих данных. Он сам решит, хочет ли читать. Если нет — карточка останется документом Вериных намерений, а не его обязанностью.

— Это надолго.

— После закрытия передам копии нотариусу вместе с описью. Я обещала три дня на четыре уже начатых возврата, не семнадцать новых жизней.

Соня провела пальцем по последней дате на карточке футляра.

— За день до смерти она ещё собиралась всё это продолжать.

— Да.

— А ты думала, она уже не могла работать.

— Она не могла шлифовать и поднимать ящики. Звонить и решать за других могла до последнего вечера.

Лида сказала это жёстко, но перед глазами стояли четыре времени, записанные с промежутком в минуты. Вера не угасала в ожидании смерти. Она торопилась. Возможно, не успела объяснить Лиде потому, что считала завтрашний день гарантированным. Возможно, сознательно оставила систему, которая включится без неё. Разница имела значение только для дочери; для остальных последствия были одинаковы.

За окном хлопнула калитка. Кира вошла первой, Артём — следом. Девочка остановилась у стола, увидев Соню, карточки и пустое место, где лежали часы.

— Мы одни? — спросила она.

— Сейчас да, — ответила Лида. — Но прежде чем начнём, ты должна выбрать. Соня может остаться как свидетель или уйти. Твой отец останется, потому что ты несовершеннолетняя. Карточку можно прочитать сейчас, позже или вообще не читать.

Кира посмотрела на Артёма.

— А он уже читал?

— Нет.

— Тогда Соня остаётся.

Артём снял пальто и аккуратно повесил его на крючок, словно согласие дочери было ещё одним документом, который следовало принять без пометки на полях.

Лида положила перед Кирой прозрачный карман с номером `116/д`.

— Здесь нет готовой тайны, — сказала она. — Только слова Веры, которые требуют проверки.

Кира придвинула карточку к себе.

В тот же момент дверь за её спиной открылась. На пороге стояла Зоя Петровна с голубой чашкой в обеих руках, а за калиткой Макс придерживал велосипед и смотрел, горит ли свет.

— Я решила не ждать до завтра, — сказала Зоя. — Вера уже достаточно назначала нам время.

Лида взглянула на четыре карточки, на владельцев, адресатов и вещи, которые снова сошлись в мастерской не по её расписанию.

До конца первого дня оставалось меньше пяти часов.

Глава 7. Первая общая встреча

Зоя Петровна вошла, не снимая перчаток. Голубую чашку она несла так, словно та была горячей, хотя по тёмному ободку внутри Лида видела: чашку вымыли и вытерли насухо. Макс оставил велосипед за калиткой и задержался у двери. В мастерской уже не хватало стульев, а уходить, похоже, никто не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.